

Элеонора Львовна Львова родилась в 1940 г. в Томске. В 1957 г. окончила среднюю школу № 8 и поступила на историко-филологический факультет Томского государственного университета (ТГУ). В 1961–1962 гг. жила на Кубе. Здесь ею был собран материал для дипломной работы об индейцах Кубы, которую она успешно защитила в 1964 г. (научный руководитель Г.И. Пелих). После окончания университета Элеонора Львовна осталась работать в ТГУ ассистентом на кафедре истории СССР дооктябрьского периода. В 1978 г. в Институте этнографии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва) она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Чулымские тюрки (Историко-этнографические очерки)» (научный руководитель С.И. Вайнштейн).

Начиная с 1982 г. работала в должности доцента кафедры отечественной истории исторического факультета ТГУ. Э.Л. Львова являлась ведущим преподавателем этнологии в ТГУ. В течение многих лет она проводила этнографические экспедиции и практики (более 30) в различных районах Сибири – на Алтае, в Якутии, Хакасии, Тюменской области. В Томской области ее усилиями исследовались история и культура коренных народов региона – чулымских тюрков, эвенков, томских татар, представителей других этнических групп – русских, чувашей, эстонцев, немцев, как сельских жителей, так и горожан.

Под научным руководством Элеоноры Львовны было защищено шесть кандидатских диссертаций по специальностям «этнография, этнология и антропология» и «отечественная история». Она выступала в качестве консультанта при подготовке таких этнографических видеофильмов, как «Эуштинцы» (1996 г.), «Калмаки» (1998 г.), «Синий колодец» (1998 г.), «Соседи» (2006 г.), участвовала в создании и консультировании радиопрограммы межэтнического общения «Здравствуйте, соседи» на городской телерадиокомпании «Томск» (1995–2006 гг., автор и редактор Е.Ш. Сафиуллина).

Научная и общественная деятельность Э.Л. Львовой была тесно связана с городской антропологией, она активно занималась защитой правового статуса коренного населения и пришлых национальных меньшинств. В 1996 г. Элеонора Львовна входила в состав группы Госкомитета, осуществившей микроперепись населения Тегульдетского района. Во многом благодаря ее усилиям в 2000 г. был, наконец, признан статус чулымцев как одного из коренных малочисленных народов Севера. С 2003 г. Э.Л. Львова была членом Совета межрегионального общественного движения «Сибирский народный собор». С 2005 г. входила в Совет при губернаторе Томской области по сохранению деревянного зодчества, являлась членом коллегии департамента культуры Томской области и членом комиссии по топонимике мэрии Томска, входила в консультативные советы Томской области по делам национально-культурных автономий и этнокультурному образованию. В 2007 г. Э.Л. Львова стала лауреатом конкурса Томской области в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры.

Одной из важнейших целей педагогической деятельности Элеоноры Львовны было становление и развитие на историческом факультете специальности «социальная антропология». В 2005 г. по ее инициативе была открыта Студенческая научно-исследовательская лаборатория по социальной антропологии (СНИЛ), а в 2013 г. – профиль «Социальная антропология». В 2014 г. успешно прошли этап лицензирования разработанные с участием Элеоноры Львовны образовательные программы по направлению 032400 – «Антропология и этнология» (бакалавриат и магистратура). В 2015 г. исторический факультет впервые принял 15 первокурсников и 7 магистрантов по этой специальности.

Элеонора Львовна, несомненно, относится к тем людям, которые счастливы не столько собственными достижениями, к которым она всегда относилась очень спокойно, но успехами своих учеников. И она осознавала свое предназначение именно так – «продумывать, формулировать и раздавать» (В. Костин, А. Сагалаев. Виват, Элеонора! // Томские новости, 2000. №3. 21 апреля. С.12). Поэтому все, кому выпало счастье плодотворного общения с ней, в той или иной степени считают себя ее учениками и хранят в своих сердцах частичку ее доброты, чуткости и духовной силы. В ответ на просьбу поделиться своими воспоминаниями об этом удивительном человеке, Учителе, было получено два десятка откликов учеников и коллег Элеоноры Львовны. Все поступившие

воспоминания с благодарностью публикуются на сайте лаборатории социально-антропологических исследований ТГУ. Два текста об Элеоноре Львовне, как ученом, опубликованы в журнале «Сибирские исторические исследования» (2015 г., № 2).

И.В. Нам

КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ И УЧЕНИКИ ОБ ЭЛЕОНОРЕ ЛЬВОВНЕ

Е.А. Васильев

Элеонора Львовна относилась к тому кругу людей, с которыми всегда хотелось общаться. Так случилось по жизни, что Элеонору Львовну я помню, как педагога, и это была значительная дистанция. Позднее, когда я начал работать в проблемной лаборатории университета¹, и мы стали жить вместе в одном общежитии на Ленина 68, квартира Львовых превратилась в своеобразный профессиональный междисциплинарный клуб. Причем в этом «клубе» собирались профессионалы очень высокого класса. И это было уже другое общение. Общение не равных, но Элеонора Львовна как-то смогла отодвинуть границу, которая разделяла студента и преподавателя, и между нами установились очень тесные и доверительные отношения, которые продолжались до последних дней ее жизни. В последние годы эти отношения переросли в настолько тесные и, я бы даже сказал, в дружеские, что Элеонора Львовна стала близким другом нашей семьи, и мы могли обсуждать самые разные проблемы – от научных до семейных. Элеонора Львовна иногда нуждалась в поддержке, и, мне кажется, что эту поддержку она в нашей семье постоянно получала.

Элеонора Львовна... Для меня это человек очень разносторонний и многогранный, и очень талантливый во всех проявлениях. Во-первых, это замечательный педагог, хотя и очень своеобразный. Я бы сказал так, что профессиональный уровень Элеоноры Львовны на факультете был настолько высок, что некоторые студенты, особенно в последние годы ее жизни, до него просто не дорастали. Мы неоднократно обсуждали эту проблему, и Элеонора Львовна была несколько озадачена этой ситуацией. С одной стороны, она очень высоко ценила потенциал кафедры, факультета, да и большинства студентов, а с другой стороны, приходилось выбирать постоянно между средним или низким уровнем аудитории, и теми ребятами, которые действительно задавали довольно высокие стандарты. И таланта Элеоноры Львовны, как ни печально, иногда не хватало, впрочем, я не знаю, как можно вообще решить эту проблему в одной аудитории. Она всегда оставляла возможность прийти к ней на консультацию по любому вопросу – для студентов она была всегда очень открыта. Но поскольку такое общение более свойственно, характерно и доступно для студентов старших курсов, то на первом курсе иногда возникали сложности с пониманием. Ну, а что касается студентов, которые проявляли интерес к этнологии, культурологии, первобытной истории, то не нужно было читать монографии или учебник. Если кого-то задела какая-то проблема, то нужно было просто прийти к Элеоноре Львовне, чтобы получить всестороннюю консультацию. Я, во всяком случае, в молодые годы, этим очень часто пользовался. И вот в этом профессиональном общении Элеонора Львовна была непревзойденным собеседником. Есть специалисты высокого уровня, с которыми не очень приятно общаться, потому что и вопросы как-то задавать боязно, рискуя прослыть неподготовленным или некомпетентным. А вот Элеонора Львовна была исключительно тактична в дискуссии, в обсуждении, в диалоге. И общение с Элеонорой Львовной было самой настоящей роскошью, во всяком случае, для меня. По мере выравнивания потенциалов мы становились все более профессиональными и обсуждали вопросы достаточно высокого профессионального уровня. И, опять-таки, Элеонора Львовна была очень тонким человеком.

Я уже неоднократно говорил, что для меня этнология – это наука о деталях. И не каждому, даже профессиональному этнологу, дано эти детали чувствовать. Прочитать курс этнологии, наверное, сможет любой подготовленный человек, а вот почувствовать культуру народа, ее изюминку, это дано немногим. А Элеонора Львовна это чувствовала. Ее рекомендации, советы по тому или иному вопросу были всегда очень точны и профессиональны. К большущему сожалению, ее потенциал в этой области был реализован едва ли на треть. Элеонора Львовна была говорящим

¹ Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛАЭС)

человеком, но не пишушим. Поэтому статей, которые она написала, очень немного. На мой взгляд, лучшая книга, которая осталась после Элеоноры Львовны, это «Мировоззрение тюрков Южной Сибири». Это тот случай, который помог в самой простой и эффективной форме реализовать ее потенциал. Она писала эту книгу со своими учениками, которые ее очень ценили. В этом коллективе соавторов, Элеонора Львовна, как я понимаю, выступала генератором идей. Она делала то, что ей удавалось в самой высшей степени, то, в чем она была сильна. Для таких людей всегда необходимо, чтобы рядом оказались те, кто готов воплотить в жизнь их идеи и замыслы. Вот в том авторском коллективе все сложилось очень органично. Но, к сожалению, этот опыт был не очень продолжительный, хотя я знаю, что вот такие коллективные монографии, Элеонора Львовна планировала выпустить.

Элеонора Львовна была человеком с активной гражданской позицией. Для меня это было несколько неожиданно, поскольку в молодые годы она была человеком, склонным к диссидентству советского образца: то есть это разговоры среди узкого круга лиц на самые разные научные, и не только научные, темы. Но затем произошли некоторые изменения, что вообще показывает потенциал этого человека. Чем разностороннее интересы, тем неожиданнее бывают и трансформации личности. Элеонора Львовна стала человеком воцерковленным. Эта сторона ее жизни была для меня закрытой, поскольку мы в этом не были людьми одного круга. Более того, иногда спорили, но спорили как культурологи. Конечно, убедить меня или ее в изменении своих позиций мы даже не пытались, для этого мы достаточно высоко ценили независимые позиции друг друга. Ну, а по части ее приверженности к христианству, это было очень искренне. И что свойственно Элеоноре Львовне, она в каждой области своей жизни была очень просвещенным человеком. Поэтому мне кажется, что в вопросах христианского богословия она стала понимать гораздо больше, чем некоторые служители данного культа.

Ну, и еще одна сторона ее общественной жизни – это сохранение культурного наследия. Это происходило, прежде всего, от высочайшего культурного уровня самой Элеоноры Львовны. Она стала понимать к концу жизни, что в этой сфере люди высокообразованные должны влиять на общественную ситуацию. К сожалению, образовательный и интеллектуальный уровень большинства чиновников, которые ответственны за сохранение культурного наследия, мягко говоря, недостаточно высок. И если высокие интеллектуалы иногда позволяют себе дистанцироваться, то это, наверное, не очень хорошая позиция. Потому что страдает как раз то самое культурное наследие. «Высоколобые» интеллектуалы, конечно, гораздо более осведомлены о проблемах истории, культуры, но если не прикладывать общественных усилий, то это останется уделом очень немногих. Вот эта дистанция и мне всегда была не очень приятна, а Элеонора Львовна ее просто не выносила. Будучи представителем интеллектуалов высочайшего класса, она была очень демократична. Поэтому видела свой долг в том, чтобы сохранить в архитектуре, культуре то, что должно быть сохранено, и она делала все, что от нее зависело. А от нее зависело достаточно многое. Элеонору Львовну в городе знали, к ней прислушивались. Я был на многих научно-практических конференциях и совещаниях. Есть люди шумные и активные, но не способные формулировать ни проблему, ни задачи. Элеоноре Львовне это всегда удавалось блестяще. И в силу этого к ней всегда прислушивались. К ней нельзя было не прислушаться, настолько доверительна, настолько профессиональна была ее речь, настолько профессиональны и обоснованны были ее предложения. Поэтому томичи должны быть благодарны Элеоноре Львовне, поскольку при ее участии были решены многие проблемы, связанные с деревянной архитектурой Томска.

Элеонора Львовна была еще и очень осведомлена в пределах мировой литературы, российской поэзии. Ее речь, диалоги, ее лекции всегда были образцом высокоинтеллектуального стиля. В узком кругу эта сторона ее личности и ее интересов проявлялись очень ярко. И ей тоже приходилось соответствовать. В этой области, правда, мне не приходилось учиться у Элеоноры Львовны, здесь мы были скорее на равных. Элеонора Львовна была готова не только дарить то, что ей нравилось, но она с удовольствием воспринимала строки тех поэтов, которых она не знала и была очень благодарна за цитату, за имя, за стихотворение.

Элеонора Львовна – это человек уходящей эпохи. К сожалению, приходится это констатировать. Очень высокообразованный, очень нравственный, таких людей немного. Она была такой личностью, о которых говорят: «Не живет село без праведника». Вот и университет не живет

без праведника, факультет не живет без праведника, кафедра не должна жить без праведника. И я даже не знаю, найдутся ли праведники и та опора, которой была Элеонора Львовна...?

О.Б. Беликова

Львова и Сагалаев

Элеонора Львовна была научным руководителем Андрея Марковича Сагалаева (1953–2002) в его студенческие годы. Он писал у неё дипломную работу «Иконография ламаизма» (1976). Но их отношения в качестве учителя и ученика сохранились навсегда. В статье к 55-летию Э.Л.Львовой Андрей писал: «*Элеонора Львовна обладает редким даром учительства. Учась у неё, студенты и единомышленники получают не только и не столько знания о конструкции тунгусского чума или антропологии бушменов. Её опыт взаимоотношений Учителя и Ученика куда более серьёзен. Здесь, как в буддизме дзен, важным становится не передача знания как такового, а атмосфера совместного приближения к истине*»². Отношение Сагалаева к Элеоноре Львовне было предельно уважительным и сродни сыновьему. А она начинала ему письма такими словами: «*Дорогой и сердечно любимый Андрей!*».

Выявленная переписка Львовой и Сагалаева сегодня насчитывает 43 послания из Томска, Ленинграда, Новосибирска, Москвы, Осака. Этот информативный комплект эпистолярных документов 1976–1992 гг. был сформирован благодаря Элеоноре Львовне. После кончины Андрея она постоянно поддерживала меня в разборе и систематизации его огромного домашнего архива с целью передачи на постоянное хранение в Научную библиотеку ТГУ. И однажды (12 июня 2005 г.) принесла мне домой 27 своих писем, т.е. полученных ею от Андрея. Отмечая их источниковедческую ценность и сожалея об уходящем эпистолярном жанре, настаивала на публикации. Позже по инициативе томского литератора В.М. Крюкова, друга А.М. Сагалаева, несколько его писем были изданы, включая и пять посланий для Элеоноры Львовны³. Публикация всей переписки Львовой и Сагалаева, чрезвычайно содержательной в плане их личной и творческой биографий, отношений учитель и ученик, событий истории и культуры Томска, Сибири и всей страны – дело будущего. Здесь же приведу некоторые интересные выдержки из писем Элеоноры Львовны.

«Как Ваше знакомство с Л.Н. Гумилёвым – состоялось или ещё нет? Доходят слухи, что его лекции пользуются в Ленинграде большим успехом в интеллигентной среде вообще и на них бегают, как на вечера выступления его матери, Анны Ахматовой» (от 8 марта 1977 г.).

«У меня есть хорошая новость: при нашей кафедре появилась специализация по культурологии, может быть, через год-два есть перспектива создания и кафедры культурологии» (от 8 января 1992 г.).

«Я очень боюсь административных успехов, они почти всегда лишают возможность менять самого себя» (там же).

Чулымские тюрки

В ноябре 2006 г. Элеонора Львовна отвечала на вопросы анкеты А.М. Решетова, который собирал материал для биобиблиографического словаря отечественных антропологов. Тогда она рассказывала, что после защиты дипломной работы «Индийцы сибоней и таинос Кубы» (1964) собиралась продолжить исследования по латинско-американской тематике. Но затем вынуждена была кардинально изменить направление своих разысканий. Вот как пишет об этом она сама в указанной анкете.

«Вернувшись в Томск после всех согласований в Институте этнографии и антропологии, была приглашена к нашему декану Борису Георгиевичу Могильницкому. Он сказал мне, что ввиду того, что в университете открывается Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, я должна изменить направление своих интересов и заняться

² Андрей Усманов. Уроки Львовой // Томский вестник: Ежедневная областная газета. 1995. № 73 (991). 19 апреля. С. 3. (Андрей Усманов – псевдоним А.М. Сагалаева. Образован от его имени и фамилии близкого ему коллеги-этнолога – Марьям Султановны Усмановой.)

³ См.: Сагалаев А.М. «Искренний привет незапланированным читателям!» (Подготовка документов к публикации и примечания О.Б. Беликовой, предисловие В.М. Крюкова // Каменный мост: Литературно-художественный альманах. Томск: Part.com, 2005. С. 416–436.

“местными” проблемами. Поскольку угорская и татарская темы были уже закреплены за Надеждой Васильевной Лукиной и Николаем Аркадьевичем Томиловым, на мою долю пришлось чулымские тюрки, про которых Андрей Петрович Дульзон сказал, когда Лукина и Томилов консультировались с ним по поводу своих тем: “Только не берите чулымцев, у них вообще ничего от традиционной культуры не осталось”. Так началась эпопея с чулымцами».

Кандидатскую диссертацию «Чулымские тюрки. (Историко-этнографические очерки)» она защитила в Институте этнографии и антропологии в Москве 28 марта 1978 г., под руководством С.И. Вайнштейна. В последние годы жизни Элеонора Львовна неоднократно высказывала желание опубликовать полностью рукопись своей диссертации, при этом непременно без каких-либо изменений текста или дополнений к нему. Она сожалела, что не сохранила тот единственный экземпляр работы, который когда-то имелся у неё дома. Он был использован ею как материал при написании различных статей, а также книг «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (1988–1990) и «Тюрки таёжного Причулымья» (1991). Как и коллеги, ученики и единомышленники Э.Л. Львовой, считаю долгом как можно скорее и согласно её воле издать рукопись кандидатской диссертации, проблематика которой по-прежнему актуальна.

В таёжном Причулымье когда-то начались и мои самостоятельные археологические изыскания (разведки и раскопки периода 1977–1993 гг.). С проблематики Чулыма, пожалуй, и завязалось наше личное общение с Элеонорой Львовной, её помощь в археологических исследованиях для меня бесценна. Показателен следующий пример.

В июле 1985 г. при раскопках на Чулыме кургана 1 Зырянского могильника конца XVI–XVII в. в коллективном захоронении, включающем кузнеца, был обнаружен уникальный комплекс антропогенного характера – скопление археоботанического (семена, плоды) и прочего материала общим объёмом около 4 л. Ранее мне и коллегам-археологам не приходилось сталкиваться с подобными объектами и поэтому, честно говоря, после раскопок я пребывала в полной растерянности по поводу его дальнейшей обработки. Но затем всё рассказала Элеоноре Львовне. Она, моментально оценив значимость и информативность столь редкой в археологии находки, привлекла сразу для работы своего мужа, Юрия Алексеевича Львова⁴ (кандидат биологических наук, доцент биолого-почвенного факультета, заведующий отделом экологии НИИ биологии и биохимии в ТГУ). В сентябре 1985 г., после первого знакомства с археоботанической коллекцией, Э.Л. Львова, Ю.А. Львов, его ученица М.А. Лукьянова и я выехали на памятник с целью обследования ландшафта и современных растений, произрастающих в районе могильника. Вскоре Ю.А. Львов организовал группу по камеральному разбору скопления семян. Обработка и интерпретация данных кургана 1 проходила по разным причинам долго – более 20 лет. Но благодаря своевременной инициативе и поддержке Э.Л. Львовой, археоботанический материал из могильника чулымских тюрков конца XVI–XVII в. в итоге был определён как представленный 50 растениями (вид, род, иногда семейство) и стал доступен всем исследователям. Она постоянно и пристально курировала мою работу по этой теме, вплоть до обсуждения рукописи книги и её издания (2010), где выступила в качестве рецензента⁵.

«Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»

В доме Львовых, «между чаями, шутками и фантазиями родился тот самый трёхтомник “Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири”»⁶. Э.Л. Львова была руководителем авторского коллектива указанной книги (1988; 1989; 1990)⁷. В соавторах – её ученики Марьям

⁴ Юрий Алексеевич Львов (1932–1994), о нём см.: *Вопросы географии Сибири*. Томск, 1995. Вып. 21. С. 3–49; и др.

⁵ См.: *Беликова О.Б.* Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таёжного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана) / отв. ред. Д.Г. Савинов; рецензенты Э.Л. Львова, А.И. Соловьёв, Ю.В. Балакин, А.И. Пяк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с., 91 ил.

⁶ *Костин В.М., Сагалаев А.М.* Виват, Элеонора! // Томские новости. 2000. № 3 (3). 21 апреля. С. 12.

⁷ См.: *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.; *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / отв. ред. И.Н. Гемуев, рецензенты В.И. Молодин, Н.К. Тимофеева. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.; *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал / отв. ред. И.Н. Гемуев, рецензенты В.И. Молодин, Н.К. Тимофеева. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.

Усманова (ТГУ), Андрей Сагалаев и Ирина Октябрьская (Институт истории, филологии и философии, Новосибирск).

Работа над трёхтомником была задумана не позже осени 1984 г. Сначала его планировали издать на базе Томского государственного университета, в его Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. В секторе этнографии даже обсудили план-проспект книги, составленный Элеонорой Львовной и Марьям Султановной. Но его не утвердили по причине превышения объёма будущего издания сверх положенных тогда максимально 12 печатных листов.

Тем не менее, к концу 1984 г. коллектив начал составление библиографии, разработку структуры книги и основных подходов исследования. Сагалаев в письме от 12 ноября 1984 г. М.С. Усмановой писал: *«Э.Л. Львова совершенно права, надо попытаться показать традиционное мировоззрение народов Южной Сибири как реализацию этническими средствами общечеловеческих ценностей, а не как экзотику неразвитых культур. ... Всё это пока звучит невнятно, но главное, что мы начали работать. ... Кажется, самое трудное уже позади, так как сговор состоялся (шутка)»*. Был определён принцип изложения материала: *«Элеонора Львовна предложила друг друга “образовывать”, говорить о новинках, обсуждать, но в книге не оговаривать, где чья идея. Думаю, что это всем нам на руку»* (письмо М.С. Усмановой от января 1985 г.). Издание трёхтомника в итоге состоялось в Институте истории, филологии и философии. В конце 1986 г. в издательство «Наука» был сдан первый том книги, и в целом работа над ней завершилась к 1990 г.

Разное

На заседании одной археолого-этнографической конференции 2002 г., проходившей в главном корпусе ТГУ, мы сидели с Элеонорой Львовной рядом. Как-то необычно и с грустью она слушала докладчика, оглядывала присутствующих в конференц-зале. Неожиданно молча взяла мой блокнот и записала в нём своё четверостишие, полагаю, тогда же и родившееся:

*«Кругом стареющие лица,
Давно отцветшие миры,
Где чувству некуда стремиться
И хладно ясен путь – с горы.
28.03.02. Ваша Э.»*

М.С. Усманова. Как писалась книга «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»

Эта книга - главный итог научной работы Элеоноры Львовны Львовой и ее учеников-соавторов, которые участвовали в этнографических экспедициях и написали дипломные сочинения под ее руководством. М.С. Усманова, А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская после окончания исторического факультета Томского государственного университета продолжали научную работу в Томске и Новосибирске.

Сначала идея написания книги пришла в голову мне, и ее цель была достаточно скромна: опубликовать материалы своей диссертации, в которой я подвергла системному анализу традиционное мировоззрение хакасов. К счастью, моя идея не нашла поддержки у руководства этнографического отдела Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при ТГУ, но меня «выручил» искушенный в научной политике выдающийся антрополог В.А. Дремов. Он предложил мне найти соавторов в Новосибирском Академгородке, имеющем большие издательские возможности. В этот же час я случайно встретила А.М. Сагалаева, приехавшего из Новосибирска, и предложила соавторство, так как он также работал с хакасскими, а также алтайскими материалами. Он тут же заявил, что нельзя без Элеоноры Львовны Львовой, а она предложила в соавторы самую молодую свою ученицу И.В. Октябрьскую. Так сложился авторский коллектив, и обозначилась тема. Каждый из авторов состоялся как ученый, защитил диссертацию, ездил в этнографические экспедиции к народам Алтая, Хакасии, Якутии, Западной Сибири. Солидный опыт издания своих монографий имел А.М. Сагалаев, я знала тюркские языки и работала с языком и фольклором, И.В. Октябрьская изучала семантику этнографических вещей.

Книга рождалась нелегко, но главный результат тот, что она увидела свет. Системный (или структурный) анализ позволил нам дать иное описание народной культуры, например в первом томе

«Пространство и время», противопоставив новый метод обычному традиционному исследовательскому приему описания этнографических реалий. Стало понятно, например, что деление культуры на материальную и духовную зачастую эфемерно. Разумеется, такой новый подход достаточно формализован, хотя и был моден в 70-80-е годы XX века. Тем не менее, он дал новый инструмент для понимания нами всего богатства традиционной культуры тюркоязычных народов Южной Сибири. Это был еще один «авторский перевод» тюркской народной культуры на язык современной науки.

Как же писалась эта книга? Самым счастливым в работе был первый этап. Это был своеобразный и яркий семинар, где каждая тема книги обсуждалась легко, без оглядки на научные авторитеты. Приветствовались самые «безумные» идеи и предложения. Знания и опыт каждого ложились в общую копилку, расцветывали гармоничную картину традиционного мировоззрения тюркских народов Сибири.

Главным «летописцем» был А.М. Сагалаев, старался стенографировать все наши обсуждения. Позднее именно на него ляжет бремя печатания на пишущей машинке и оформление полного текста книги, работа с редактором издательства «Наука». Следует сказать, что часть текстов была уже готова. Это были авторские диссертации и статьи. Однако без самоотверженной работы А.М. Сагалаева книга бы не вышла в свет. Позднее А.А. Сагалаеву помогала И.В. Октябрьская.

Мы были молоды и полны энтузиазма, горели одним огнем и были счастливы. Обычно собирались в квартире Львовых в Томске, пили чай, говорили, смеялись, принимали или отвергали идеи, восхищались друг другом. Часто наши бурные обсуждения привлекали внимание Юрия Львовича – мужа Элеоноры Львовны. Он тоже был ученым, выдающимся ботаником, он прекрасно понимал всю необычность такого написания книги. Обычно Юрий Алексеевич заходил в комнату во время наших перерывов на чай, отпускал необидные, но язвительные замечания. А мы были добры и веселы и отвечали ему, что он нам просто завидует.

Следует сказать, что и Элеонора Львовна и мы ее соавторы-ученики прекрасно осознавали счастливую уникальность этого момента и знали, что будем позднее сами себе завидовать. Большинство наших коллег не могли понять, как могут четыре человека написать книгу, текст которой нельзя поделить на четыре авторские части. Это действительно трудно представить, но легко понять, если узнать, что нас объединила Элеонора Львовна. Она имела «нюх» на все новое и стоящее, была легка на подъем и потому слегка «авантюрна». Книга стала результатом чудесной авантюры и нашла много последователей.

И.В. Нам

Элеонора Львовна была одним из тех преподавателем, кто читал нам, первокурсникам ИФ 1968-1969 учебного года самые первые лекции – по истории первобытного общества и по этнографии. Преподавателем она была строгим – даже будущие отличники могли получить у нее удовлетворительную оценку. Остался в памяти ее образ – очень юной, очень милой, какой-то даже воздушной. И почему-то запомнилось белое платье мелкими голубыми цветочками в цвет ее глаз...

Но этнография меня тогда не заинтересовала, а со второго курса пришло увлечение историей польского присутствия в Сибири и архивными изысканиями...

Наше сближение с Элеонорой Львовной началось через несколько лет после защиты мной кандидатской диссертации по истории национальных меньшинств Сибири в условиях революций 1917 года. Мне нужно было определяться с будущими научными исследованиями, поэтому требовалось с кем-то посоветоваться. И таким мудрым советчиком и наставником, Учителем по жизни и стала Элеонора Львовна. Удивила ее готовность и желание слушать и разговаривать... В моей диссертации ее заинтересовала идея национально-персональной (иначе – культурно-национальной) автономии, которая была популярна в общественном и политическом дискурсе начала XX века, но была резко раскритикована, как «мелкобуржуазная», лидерами большевиков В.И. Лениным и И.В. Сталиным и в результате полностью забыта в Советском Союзе. Элеонору Львовну привлекала в этой идее возможность «персоналистского» выбора каждого человека в определении своей идентичности и принадлежности к культурному сообществу.

С этого момента и до последнего дня ее жизни квартира Львовых стала для меня домом, где тебе всегда были рады, готовы выслушать, помочь советом. И где можно было встретить самых

разных людей, разного возраста и принадлежности к разным сообществам... И все они испытывали к ней самые добрые чувства, осознавая ее особость, о чем говорит ласковое и почтительное «княгинюшка», однажды мной услышанное от одного из постоянных посетителей ее дома...

В Элеоноре Львовне поражала и привлекала как раз вот эта способность и желание видеть и открывать в людях «позитив», какую-то «изюминку». Ей не были интересны люди авторитарные, жесткие, ей было неприятно бывать на мероприятиях разного рода и заседаниях, где не было, как она говорила, ни одного «теплого лица»...

Элеонора Львовна была человеком «книжным», чтение было ее любимым занятием с юных лет и до конца жизни. Возможно поэтому уже в школе ее причисляли к «интеллектуальной элите», как рассказала мне об этом однажды профессор Э.И. Мещерякова. Сама же она не раз вспоминала, что за это качество в студенчестве ее называли «мимозой»...

Вместе с тем она была человеком с крепким внутренним «стержнем» и умела отстаивать свои убеждения, будь то профсоюзное собрание факультета, заседание кафедры или многочисленные общественные и консультативные советы по делам коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, невзирая на имена и звания присутствующих. И к любому ее мнению невозможно было не прислушаться... Ее авторитет был непререкаем именно потому, что любое сказанное ею слово не было тривиальным и обладало такой силой убеждения, что не поверить ему было невозможно.

Н.И. Наумова

Э.Л. Львова была человеком с особым взглядом на жизнь, на события. Удивительность ее проявлялась во всех сторонах жизни – профессиональной, творческой, обыденной. В студенческое время в ее лекциях мир для меня представлялся не как сообщество государств, но как динамичный и таинственный мир народов, где ведущую роль играют традиции. Она понимала сложность процесса получения знаний студентами и поэтому постоянно и целенаправленно формировала интерес к проблемам этнологии, фокусировала на этом свои лекции и семинары. С этой целью к первокурсникам приглашались студенты, которые побывали в этнографических экспедициях и потом с увлечением рассказывали о своих первых наблюдениях и открытиях, вовлекая слушателей в изучение образа жизни татар, селькупов и других народов. Это впечатляло. Такое общение привлекало и давало первое приблизительное представление об особенностях исследовательского процесса, который начинался со сбора конкретного материала и заканчивался анализом.

Особое значение для меня имела совместная работа уже после окончания университета в различных совместных проектах. Профессионализм Элеоноры Львовны был необыкновенно творческим, заразительным. Чрезвычайно ярко это проявлялось в совместной работе в коллективе при написании программ, заявок на гранты, статей. Ее замечания, размышления, экскурсии подчеркивали масштабность знаний, что обеспечивало широту подхода к решению поставленной задачи. Все это давало импульс к интенсивным дискуссиям. Благодаря ей создавалась творческая аура, которая позволяла завершить обсуждение при участии каждого. Она очерчивала круг исследовательских проблем, используя самые современные концепции и теории. Именно она вовлекла нас в специфику теории и практики мультикультурализма.

Такое сотрудничество приносило радость, эмоционально заряжало, профессионально обогащало. По существу обсуждения превращались в методологические семинары. Особую значимость имели рассказы о многочисленных этнографических практиках, наблюдениях за образом жизни и ее изменениями у чулымских тюрков, немцев, эстонцев, татар. Часть таких изменений вызывали у нее горькие сожаления.

Привлекала вовлеченность Элеоноры Львовны в судьбы малых народов, беспокойство за их будущее. Не только на научных конференциях, в студенческих аудиториях, но и перед администрациями всех уровней Элеонора Львовна раскрывала ценность их культур, значение своеобразия способов их взаимодействия с природой, защищала их право на особый статус. Подобная гражданская позиция вызывала уважение и служила для меня примером.

Мне всегда было важно услышать ее мнение о своих работах, диссертации. При этом она всегда руководствовалась принципом права автора на свободу изложения и собственную точку

зрения. Критические высказывания она делала в мягкой форме, но все они были принципиально значимы.

Привлекала Элеонора Львовна необычайной доброжелательностью и гостеприимством. Доверие к людям у нее было велико. Поэтому когда она была дома, дверь на замок не закрывалась. А гостевой поток практически не иссякал. И все гости были интересными людьми. Здесь можно было встретить математика, филолога, биолога, физика, которые всегда обсуждали и профессиональные вопросы, просвещая присутствующих, и последние новости. Много вспоминали о студенческом времени в университете. Подобные «круглые столы» создавали радость общения, обогащали и сближали людей. А сама Элеонора Львовна являлась стержнем, центром такого единения. По существу она раскрывала потенциал каждого человека, как интересного собеседника и привлекательной личности.

Она была замечательным рассказчиком. Говорила тихо, но все постепенно прислушивались, поскольку ее речь завораживала. Обладала тонким чувством юмора. Некоторые ее истории заканчивались поучительными четверостишьями, иногда очень забавными. Элеонора Львовна была внимательна к каждому. Обязательным было обращение на «Вы» даже к самым юным. Неотъемлемым качеством Элеоноры Львовны являлось желание быть выше обид, не осуждать людей голословно, что находило отражение в ее словах, произносимых с глубоким чувством жалости и разочарования, «бедные люди».

Для меня необходимыми были ее оценки специальной литературы. Я стремилась узнать ее мнение о работах современных писателей, которое было самобытным и неповторимым и заставляло по-новому осмыслить любые явления и процессы.

Она любила лес, воду и мечтала иметь домик на берегу озера. Несколько лет мы вместе гуляли по университетской роще, по берегу Томи, по старинным улочкам города. Ее удивляла красота осени, весны, лета. Весной она восторгалась цветущей черемухой и сиренью, а осенью огромными яркими георгинами. Она постоянно объясняла смысл узоров на деревянных наличниках. Большое огорчение вызывал снос старых деревянных домов. Элеонора Львовна считала, что это приведет к исчезновению своеобразия Томска. Поэтому она так активно включилась в борьбу за сохранение деревянного зодчества и нас всех сделала своими сторонниками. Здесь открывались новые стороны ее личности - стойкость, принципиальность и последовательность - как защитника исторических ценностей. Она буквально оправдывала свои имя, отчество и фамилию. Убедительность ее аргументов изменила отношение власти к ним.

Так жаль, что не удалось узнать от Элеоноры Львовны все то, что хотелось. Теперь мы лишены богатства общения с этим уникальным человеком.

В.М. Мучник

Элеонора Львовна не любила давать интервью. Считала, и не без оснований, конечно, что телевидение спрямляет и упрощает мысли. А мыслила она глубоко и необычно. Я мог слушать ее часами. К счастью, была у меня такая возможность. Сначала в студенчестве. В аудиториях. Потом, когда соседствовали в университетском общежитии на Ленина 68 — напротив Главпочтамта. Любил я заглянуть к ней по-соседски, чаю попить, послушать ее. При этом, надо заметить, к длинным монологам она была не склонна совершенно. Поэтому регулярнейшим образом, улыбнувшись слегка, подталкивала меня к диалогу: «А Вы что насчет этого думаете, Виктор?». И это была не дань вежливости, как мне кажется, а склад ума. Глубокий человек, а тем более этнолог — по определению — диалогичен.

Один раз на самой заре нашего ТВ-2, в 1994 году, согласилась она на камеру поговорить на близкую ей как этнологу тему. «Чужие»... Как люди в разных культурах отличают себя от других? Как относятся к чужакам? Про национализм, помню, тогда емко сказала. «Рак называют врачи обезьяной всех болезней человека. Национализм — обезьяна всех болезней общества». У нее с ее негромким голосом был этот дар — говорить емко. У телевизионщиков есть такое выражение: «Камера любит». Про тех людей, харизма которых прошибает экран. Элеонору Львовну камера очень любила. Смотрю вот на те, двадцатилетней давности наши съемки и очень жалею, что так редко случалось уговорить ее на интервью.

Однажды на одной из наших встреч выпускников (выпуск 1980), на которые мы ее, конечно, всегда приглашали, она, вдруг, попросила поднять руки тех, кто остался работать в Сибири. Увидев, что рук поднялось довольно много, удовлетворенно кивнула и сказала серьезно: «Это очень важно, что вы остались. Сибирь — большая, людей в ней вообще немного. А люди с гуманитарным университетским образованием... — это совсем тоненькая прослойка. Очень важно, чтобы она сейчас сохранилась». Элеонора Львовна была человек совсем не пафосный, негромкий. И поэтому я очень аккуратно стараюсь подбирать слова, говоря о ней. Чтобы как-то соответствовать ее стилю. Но все-таки рискну употребить слово «миссия», которое она бы, возможно, не одобрила. Просто другого не могу подобрать. У нее безусловно это самое ощущение «миссии» было. Миссии интеллигентного человека, который должен, если использовать конфуцианскую лексику, каждой вещи дать правильное имя. У нее при всей ее внешней мягкости и негромком голосе была так нужная сегодня нешаткость убеждений и способность сказать то, что надо сказать. И голос ее, негромкий, в нужное время всегда был слышен.

Еще вот вспомнилось, вдруг. День рождения ее мы отмечали в БИНе. Что-то она меня спросила, кажется, про аудиторные часы по моему курсу, не сокращают ли дальше, мол. Я ответил, что вроде больше не трогают, тьфу-тьфу. И постучал по столу, чтобы не сглазить.

-А Вы знаете, Виктор, что Вы неправильно стучите? - улыбнулась она.

-То есть?

- Вы стучите по столешнице сверху, а надо снизу.

-?

- Стук ведь для чего нужен. Чтобы духов отгонять. Если стучишь по столешнице сверху — отгоняешь тех, кто вверху. Если снизу — тех, кто внизу. Злые-то духи — внизу. Все вот неправильно стучат. (Улыбнулась. Вздохнула.). Может оттого у нас многое как-то неправильно устроено...

У нее была удивительная светлая улыбка. В последний раз, когда встретились в коридорах нашего третьего корпуса и перекинулись парой слов, я про себя порадовался: «Хорошо выглядит!». Вскоре ее не стало...

И.Г. Поправко

Моя Элеонора Львовна

Элеонора Львовна для меня — тот человек, благодаря которому я пришла в профессию. Интересоваться антропологией я начала еще до посещения ее курса, но именно после летней этнографической практики, которой руководила Элеонора Львовна, мой профессиональный путь был предопределен. Я запомнила тот контраст: образ «классического» поля этнографа (дальние путешествия, столкновение с другим, очень непохожим на твой собственный, миром) и мой первый реальный опыт — в Томске, в старом городе, в районе Болото мы сталкивались с миром, казалось бы, ничем не отличавшимся от нас. И возникал наивный вопрос: а где же здесь этнография? И именно тогда Элеонора Львовна в свойственной ей тонкой манере дала нам понять, что «поле» может быть везде, главное в профессии — смотреть и мыслить этнографически. Уже много лет спустя, читая работы Акила Гупты, Джеймса Фергюсона о концепте «поля», узнавая из лекций Николая Ссорина-Чайкова о понятии «антропологической оптики», я понимала, что тогда, «на Болоте» Элеонора Львовна уже все сказала. У нее была удивительная способность говорить вещи, которые не сразу до тебя доходят, но которые оказываются базовыми.

В последние 5 лет, как мне кажется, дистанция между мной и Элеонорой Львовной довольно существенно сократилась: она была моими преподавателем, когда я была студенткой, со-руководителем диссертации, когда была аспиранткой. Но после того, как я потеряла мужа, между мной и Элеонорой Львовной словно образовались пространство и атмосфера, понятные только нам с ней. И когда я приходила к ней поговорить о рабочих делах, я всегда чувствовала фоном это понимание. Мы редко говорили о пережитых утратах, но однажды она сказала: «Ира, я Вас понимаю, как никто другой, потому что тоже потеряла самое главное — я потеряла собеседника...» Она говорила о Юрии Алексеевиче, а я думала о Николае Васильевиче. Наши мужья многое нам дали.

В Элеоноре Львовне, при всей ее образованности, интеллигентности, тонкости и деликатности, которыми я всегда восхищалась, все же больше всего мне нравилась другая ее черта — авантюризм. И, кажется, в этом мы были с ней очень похожи. Элеонора Львовна всегда поддерживала мои, иногда

довольно авантюрные, «новые поля», будь то Монголия, либо новая методология, и всегда оставляла право самой пройти путь от очарования и увлечения к спокойной и уравновешенной оценке. Но любые новые «авантюры» всегда встречали ее поддержку. Сейчас, уже будучи преподавателем, и руководя студенческими научными работами, я осознаю, что в какой-то степени переняла это «педагогическое терпение» у Элеоноры Львовны, это непростая «методика», но она самая эффективная.

Я не раз говорила, что у меня нет ощущения, что Элеоноры Львовны уже нет в живых. Возможно, это потому что последний год мы довольно редко виделись... Но, думаю, настоящая причина этого в том, что Элеонора Львовна давно «поселилась» в моей голове, и она всегда рядом, всегда задает вопросы, иронизирует, поддерживает новые авантюры – она всегда со мной.

А. А. Кузичкин

Неугасимый свет

Ещё до знакомства с Элеонорой Львовной я уже много слышал о ней. Слышал разное и нелицеприятное. Слышал от людей, облечённых властью. Её называли своенравной, настырной, упрямой, «голосистой». Потом я увидел Элеонору Львовну на трибуне в зале заседаний. В очередной раз обсуждали проблемы сохранения деревянного зодчества Томска. Увидел, услышал и понял, что характеристика, данная ей чиновниками, правильная. Только нужно качества перевести с чиновничьего языка на человеческий. И тогда «своенравность» окажется убеждённой, «настырность» - настойчивостью, «упрямство» - твёрдостью, «голосистость» - звонкостью. А по-другому она не умела: невзирая на чины и ранги громко и отчаянно призывала спасти, сберечь, сохранить самое главное сокровище Томска – его деревянные терема, историческую застройку, бесценные архитектурные ландшафты.

В августе 2006 года я возглавил департамент по культуре Томской области, и буквально на второй день после моего назначения ко мне в кабинет пришла Элеонора Львовна Львова во главе группы энтузиастов-краеведов. И Элеонора Львовна пригласила меня на... прогулку по заповедным местам Томска. Я нисколько не возражал. Дело в том, что я родился и вырос в Томске и был влюблён в деревянные кружева ещё с детства. Потому несколько самоуверенно полагал, что как коренной житель Томска знаю все сокровенные места города. Элеонора Львовна повела меня на улицу Никитина, знакомую и искоженную многократно. И вдруг начала рассказывать о каждом доме, о каждом наличнике целые истории, воссоздавая прошлое в настоящем. Вот ведь говорят, что хороший учитель даёт ученику не знания, а зрение. Так и я по-новому посмотрел на покосившиеся и потрескавшиеся от старости здания. Скрытые под кожей ветхости объёмы домов проступили сквозь столетие первозданным совершенством. Короткая прогулка с Элеонорой Львовной не изменила мой взгляд на мир, но научила видеть в исторической перспективе.

Потом мы часто встречались с Элеонорой Львовной – на совещаниях, семинарах, конференциях. И везде звучал её глубокий с металлическими оттенками голос, лился струями без остановки. А организаторы нервно постукивали карандашом по столу – регламент! Но самым страшным форматом общения стали приватные беседы. Оказалось, что Элеонора Львовна – женщина опасная. Слушать её было не переслушать: стоило случайно спросить её мнения о топониме «Латат» или происхождении названия «Сибирь» - и всё, можно было переносить все следующие совещания на час-другой. Эрудиция необыкновенная, увлечённость на грани азарта, желание делиться знаниями до самозабвения. Если Элеонора Львовна начинала рассказ, время для неё переставало существовать.

Конечно, такие обширные познания выдают в учёном человека высочайшей аксиологической культуры, который не стесняется себя только профессиональными исследованиями, а жадно поглощает всё интересное, безгранично обогащая свою личность. Отменное владение русской речью делало все выступления Элеоноры Львовной блестящими. Но это качество повышало её требовательность и к другим. Однажды я невольно оказался в роли экзаменуемого, когда прибыл в университет поздравить Элеонору Львовну с юбилеем и долго говорил ей хорошие слова. А она смотрела на меня, внимательно слушала, потом вынесла вердикт: «Грамотная речь, использованы сложные предложения, причастные обороты, все согласования соответствуют, что для чиновников - редкость». Я про себя так и ахнул, но выслушать оценку было приятно.

Абсолютно доверяя Элеоноре Львовне, я старался поддержать инициативы, с которыми она обращалась ко мне вместе с коллегами. Так родилась энциклопедия «Томская область: народы, культуры, конфессии». Конечно, как истинный энтузиаст Элеонора Львовна была во многом идеалистом: экономические расчёты для неё не существовали. Деревянное зодчество Томска было для неё ценностью не столько материальной, сколько духовной. Поэтому все доводы чиновников об отсутствии в казне денег на реставрацию памятников у Элеоноры Львовны вызывали недоумение, что неизбежно вело к взаимному недопониманию. Однако губернатор Томской области Виктор Кресс, возглавлявший Совет по сохранению деревянного зодчества и много для этого сохранения сделавший, хотя и побаивался Элеоноры Львовны, но к её мнению всегда прислушивался.

И, конечно, я разделял глубокую преданность Элеоноры Львовны ценностям православия – в этом наши убеждения полностью совпадали. Элеонора Львовна дружила с семьями священников, бывала у них в гостях и делилась со мной маленькими радостями жизни нашего православного братства: кто и у кого родился, как прошёл детский концерт в храме, кто и куда собрался в паломничество. Вера у Элеоноры Львовны была не иступлённо-фанатичной, а чистой и радостной.

Именно такой и останется в моей памяти Элеонора Львовна – чистой и радостной, с сияющими глазами и лицом, озарённым внутренним неугасимым светом. Человек ушёл, а свет остался...

Н.О. Кирсанов

«Она придавала нравственный вектор нашему движению»

(Э.Л.Львова в Общественном совете при музее деревянного зодчества г. Томска)

Возможно, когда-нибудь борьба томской интеллигенции за сохранение исторического центра Томска ещё дождётся своего историка. Нас всколыхнули заявления томского мэра А.С. Макарова 2004 года о предстоящей расчистке центральной части города от исторической деревянной застройки (именно тогда в ход пошли слова о "гнилушках", "деревяшках", которые стремятся сохранить "скудоумные защитники деревянного зодчества" - всё это буквальные цитаты из телевизионных выступлений Александра Сергеевича). А хамский снос деревянного памятника на ул. Маркса, 32, произведённый через два часа после пикета в его защиту, и череда пожаров в деревянных домах, расположенных на отведённых под строительство участках, дали движению первоначальный импульс гражданского возмущения и отчаяния.

Мы называли себя "Общественный совет при музее деревянного зодчества".

Инициатором его создания стала томский искусствовед Ирина Евтихиева, собравшая представителей томской интеллигенции в музее деревянного зодчества, в деревянном доме по Кирова, 7 – Сергей Заплавный, Зинаида Зайцева, Лариса Романова, Павел Рачковский, Владимир Манилов, Юрий Гармаш, Александр Герасимов, Катя Кирсанова, Ярослава Беспалова, Женя и Оля Нечаевы. Несколько позже к движению присоединились Людмила Антошук и я, а ещё позже – томский комитет погорельцев во главе с Натальей Рубцовой и томские экологи, обеспокоенные бессистемной застройкой в центре города (на наши совещания регулярно ходил председатель комитета урбанизированных территорий областного департамента охраны окружающей среды Сергей Трапезников). Когда появилась Элеонора Львовна, я не помню – как будто всегда там была, сидела на совещаниях, внимательно выслушивала, что мы говорили, иногда вставляла свои ироничные резюме. Но первый шаг к диалогу с томским губернатором В.М. рессом сделала именно она – во время праздничной встречи на 8-е марта 2004 года она выступила перед Крессом, сжато охарактеризовала ситуацию, складывающуюся в связи с участвовавшими сносами и пожарами томских деревянных домов, и дала понять, что областная власть не должна оставить эту проблему без внимания. С этого дня все публикации об уничтожении деревянных домов ложились на стол губернатору. Через полгода по инициативе Виктора Мельхиоровича был создан областной координационный совет по сохранению деревянного зодчества г. Томска, ещё через год начались масштабные работы по восстановлению исторического облика улицы Кузнецова, а затем начали восстанавливаться деревянные дома на других улицах Томска.

Впрочем, сносить их не перестали. Строительство многоэтажных зданий в историческом центре нам также не удалось остановить. Но рубеж, который нельзя переходить, был определён. Это список-701 Натальи Лисовской, дома из которого нельзя сносить. И это восемь зон комплексного

сохранения деревянного зодчества, в которых нельзя строить ничего нового. Линия фронта проходит здесь – вплоть до сегодняшнего дня, эта история ещё не завершилась.

"Отчаяние – это важно – однажды сказала Элеонора Львовна – нам ни в коем случае нельзя терять чувства отчаяния".

Сейчас, спустя десять лет, чётче стал вырисовываться социально-исторический контур того, что произошло в Томске в 2004-м и 2005-м году. Сходящая со сцены, теряющая свой авторитет и возможность влиять на процессы в стране, затухающая, уходящая в свою специализацию или просто уходящая в себя советская интеллигенция - поколение наших учителей - развернулась и дала свой последний бой наступающему миру наживы. Это может прозвучать патетично, но в данном случае этот пафос адекватен объективному положению вещей. Это был... ответ праведников прагматикам и торгашам, напоминание о том, что в жизни есть вещи, которые не должны быть предметом торговли, и вообще не подлежат монетизации.

Я-то праведником не был. И не стал. Но их присутствие в наших рядах – согрело.

За глаза (а иногда и в глаза) мы называли её "наша мать Тереза". В этом была только доля шутки, она – самим фактом своего присутствия - придавала нравственный смысл нашему движению, помогала осознать, что в конечном счёте мы делаем что-то хорошее. Это не так самоочевидно, как может показаться на первый взгляд. Война на общественных началах – это эмоциональная взвинченность, это напряжение и нервы, раздоры и ссоры, это взаимные претензии, связанные с неважной координацией. В этой свалке очень легко потерять себя, известись на нервы и истрепать нервы своим единомышленникам. Я-то пытался воевать «по науке», и только сейчас понимаю, что своими попытками ввести какую-то дисциплину в наши нестройные ряды ещё больше увеличивал сумбур, которого и без меня хватало. Но мы, тем не менее, работали, чего-то добивались и, в конце концов, чего-то добились – одновременно с этим – путались друг у друга под ногами, ссорились между собой, жаловались друг другу, друг на друга... Элеонора Львовна как-то умела нас примирить с тем, что мы – разные. Она делала это... даже не словами, это делал исходящий от неё ареол внутреннего спокойствия, который может дать человеку только незыблемая система внутренних нравственных координат. Помню, как-то раз мы прибежали к ней с Катей с очередными стенаниями, что мы всё делаем не так, что нужно всё делать по-другому. Элеонора Львовна одёрнула нас прямо на пороге, напомнила, что приближается пасха... и мы почему-то сразу успокоились.

Конечно, эта почти безнадежная борьба за наш общий жизненный мир измучила её, и, видимо, в конце концов, всё-таки смутила её внутренний покой, но - подлая, циничная мысль - на самые страшные полтора года её хватило...

Упорно не желала брать на себя роль командира движения, предпочитая оставаться на вторых ролях. Упорно отказывалась выступать на телевидении. Главный редактор ТВ-2 Виктор Моисеевич Мучник, поддержавший нашу борьбу с самого её начала, долго и безуспешно пытался вытащить её в "Час пик". Помню, что всякий раз, когда он заговаривал об этом, у него появлялся огонёк в глазах. Я передавал ей эти просьбы и намёки, а Элеонора Львовна только улыбалась и говорила, что ей было бы жаль Виктора Моисеевича, что от её появления в эфире с ним непременно случится когнитивный диссонанс. Однажды согласилась было пойти на телевизионный поединок с Макаровым, говорила, что хотела бы посмотреть ему в глаза, но потом отказалась. "Никита, вы не представляете, что от меня требуете...". Боже, как раздражала меня эта непреклонность. Помню, как наше светлое воинство дружно отказалось идти на ток-шоу "Своя колокольня", задуманное специально под нас и посвящённое проблемам сохранения исторического центра, всё на том же основании, что приближается пасха. Вот, опять пасха. Так вышло, что Международный день защиты памятников, который мы сделали знаковым для Томска, пересекался с пасхальными праздниками, и это создавало массу проблем, потому что под знамёна сохранения Деревянного Томска готовы были встать и христиане, и атеисты, и либералы, и коммунисты, и консерваторы. И всех их нужно было свести вместе, не задев ничьих чувств и не перессорив между собой. Люди, живущие в не своё время, могут сохранить верность только самим себе. Это даёт им внутренний стержень, но резко понижает их договороспособность. Но отказываясь от себя, мы теряем и то, и другое – такая вот апория плохих времён, здесь нужен какой-то третий путь...

"Никита, не переживайте – как-то сказала она – Бог всё расставит по своим местам". Это было очень сильно. Я и сейчас, вспоминая все наши ошибки и ушибы, упущенные возможности,

архитектурные и даже человеческие потери, напоминаю себе, что от человека, конечно, кое-что зависит, но никак не может зависеть всё. Могли ли мы тогда быть другими, чем теми, которыми мы были? И когда я говорю себе это, я будто слышу голос Элеоноры Львовны: "Успокойтесь, Никита. Бог всё расставит по своим местам".

А потом – уже после начавшегося восстановления Деревянного Томска - она говорила: «Нам удалось чего-то добиться, потому что мы сумели грамотно сформулировать свою эмоцию и донести её до власти». Она потрясающе умела это делать – грамотно формулировать эмоцию и доносить её до власти. Если не ошибаюсь, в период с 2004-го по 2005-й год она выступила на губернаторском областном совете всего три раза. Все эти выступления означали очередной сдвиг в борьбе за Деревянный Томск, вплоть до самого начала восстановительных работ – это не преувеличение, это и в самом деле было так. Мы хорошо понимали, кто у нас главный "формулировщик эмоций" – и когда Элеонора Львовна соглашалась выступить перед губернатором, на Элеонору Львовну работал весь наш актив. Я и Людмила Антошук готовили ей статистику по землеотводам, Лариса Степановна Романова – исторические справки по деревянным зданиям, Женя Нечаев бегал по городу с фотоаппаратом для подготовки презентационных материалов. Шутка ли – Элеонора Львовна перед Крессом выступать собралась...

Впрочем, один раз она выступила без помощи "группы поддержки", и про это нужно рассказать отдельно.

Восстановительные работы на улице Кузнецова готовили полгода, одновременно сдерживая рвущихся на эту улицу строителей. Их начало ознаменовалось трагедией. Буквально за два дня до старта неустановленными лицами был подожжён дом Эдисона Денисова - деревянный дом по ул. Кузнецова, 30. Дом выгорел наполовину. Девушка, снимавшая квартиру на первом этаже с решётками на окнах, и бросившаяся к выходу прямо через пылающий коридор, получила ожоги, несовместимые с жизнью. Жители двенадцати квартир остались без крова: пожар случился в ночь с пятницы на субботу, и на выходные дни людей просто бросили на пепелище. Мы с Элеонорой Львовной побывали там дважды – один раз после пожара, а второй раз утром в понедельник, и она долго о чём-то разговаривала с погорельцами. Я подошёл к ним. Элеонора Львовна посмотрела на меня, наклонив голову набок, снизу вверх, каким-то странным укоризненным взглядом и сказала: "теперь я всё поняла"

В этот понедельник был совет при губернаторе, на котором должен был утверждаться план реконструкции ул. Кузнецова. В это трудно поверить, если не знать логику административной машины и устройства её внутренних коммуникаций, - пожар на Кузнецова, 30 едва не замолчали. Директор "Томска исторического" Н.П. Закотнов выступал с докладом о средствах, запланированных на реставрацию кузнецовских зданий, и мимоходом сказал, что, возможно, придётся увеличить финансирование из-за того, что один дом недавно сгорел. "Как загорелся дом?" - спросил Кресс. "Изнутри загорелся" - ответил Закотнов (дом был подожжён на лестничных площадках первого и второго этажа с применением горючих смесей). "Значит изнутри и подожгли" – буркнул Кресс. "Жители не могли поджечь" - неожиданно сказал Закотнов (сейчас я понимаю, что на эти слова ему потребовалась определённая доля мужества). Кресс помолчал, а потом сказал: "Продолжайте". Закотнов продолжил свой доклад. "У вас всё?" - спросил Кресс. И тут поднялась Элеонора Львовна...

Кажется, Кресс пытался сделать ей замечание, но она каким-то образом оказалась на трибуне вместо Закотнова. Трибуна была большая, а Элеонора Львовна - маленькая. А потом она заговорила - неожиданно высоким слогом, я никогда её такой не видел. Она говорила, что поджог этого дома не может быть расценен иначе как акция устрашения жителей улицы, обнадёженных предстоящим ремонтом. Говорила, что поджог спровоцирован неосторожными действиями администрации, и мы все несём за него ответственность. О том, что люди выпрыгивали из окон второго этажа с грудными детьми, что их бросили на произвол судьбы на два выходных дня. Она говорила, что сейчас в больнице умирает девушка по имени Татьяна Новосельцева (она несколько раз повторила это: "Запомните это имя – Таня Новосельцева") и завершила свою речь словами: "Нам не нужно от вас такой реставрации, если вы так к людям относитесь" и – сойдя с трибуны, прошествовала к выходу, в мёртвой тишине – маленькая седая женщина с клубком волос, заплетённом на затылке, с надменно поднятой головой...

Через два часа у дома на Кузнецова, 30 собралась половина администрации района, погорельцев начали распределять по маневренным квартирам. По требованию Кресса дом был восстановлен к новому году, а ключи от отремонтированных квартир были вручены жильцам с шампанским и новогодней ёлкой...

...А 23-летняя Таня Новосельцева умерла в больнице через два часа после выступления Элеоноры Львовны...

.....

Я непростительно мало общался с ней последние два года.

Когда умерла Люда Антошук, она сказала: "Уходит человек, и с ним уходят темы для разговоров...". Всё, что я не успел обсудить с Элеонорой Львовной и что я мог обсудить только с ней, останется во мне навсегда.

В.В. Шевцов

Об Учителе с всегда открытой дверью

Курс «Этнология» Элеонора Львовна читала нашему потоку во втором семестре 1994/95 учебного года. Множество новых понятий, имен, концепций, широкая историко-культурная панорама мира приводили к мысли, что этнология является универсальной гуманитарной дисциплиной, – не только научного, но и мировоззренческого характера. Что бы по поводу этого сказала Элеонора Львовна? «Являться может только Бог, а студент – система самосбрасывающаяся – ко второму курсу уже забывает то, что изучал на первом». Поэтому, первый урок, который был впоследствии усвоен мною из общения с Элеонорой Львовной – быть очень внимательным к словам и тем смыслам, или как любила говорить Элеонора Львовна, коннотациям, которые они выражают или не выражают. Выбор научного руководителя был определен очень необычной и смелой темой в списке курсовых работ – ««Изобретение как феномен культуры (происхождение колеса, конской упряжи, одежды и т.д.)». «Этнография народов Сибири: образы мира», «Ландшафт и история», «Время и пространство в различных культурах» – само звучание этих тем завораживало, обещало интересное путешествие в мир разнообразных и важнейших историко-культурных реалий. На студенческом семинаре «Классика этнографического описания», в 1997–1999 гг., наша группа курсовиков и дипломников открыла для себя множество новых авторов и возможностей развития собственной темы исследования. Элеонора Львовна провела нас от Геродота и Тацита до Лесли Уайта и Клиффорда Гирца. Научное руководство Элеоноры Львовны отличалось глубиной и фундаментальностью, и проходило в форме увлекательных рассказов, бесед, «вопросаний» и поисков ответов. Поражала эрудиция Учителя, и не только по любимому предмету, по персоналиям отечественной и зарубежной этнографии, но и в области литературы, музыки, кинематографии, искусства, в том числе в самых современных их формах. Наиболее частое замечание в приносимых на проверку текстах было «Ст.», то есть стиль. Никогда не настаивая что-либо кардинальным образом переделать или убрать, добавить, Элеонора Львовна показывала ученикам перспективы и направления для дальнейшего научного поиска, пыталась привить такую важную для исследователя способность – видеть необычное в обычном и не останавливаться на достигнутом в поиске первопричин тех или иных явлений. Стиль устного высказывания Элеоноры Львовны всегда увлекал способностью широко развернуть тему, найти в ней новый и актуальный поворот. Тихий, но уверенный, рассуждающий голос всегда завладевал вниманием аудитории, заставлял задуматься и записать сказанное. И студенты, и коллеги, и люди не связанные с наукой и образованием видели в Элеоноре Львовне настоящего ученого, гуманиста, представителя российской интеллигенции. В то же время Элеоноре Львовне были свойственны твердость и настойчивость в отстаивании своего мнения и видения проблемы (это касалось и сохранения деревянных памятников архитектуры Томска и необходимости открытия нового направления «социальная антропология»).

«Одни ученые должны писать много, но пишут мало, другие должны бы были писать мало, но, к несчастью, пишут много». Эти «Мысли о науке» Д.С. Лихачева (в первой их части) можно отнести и к Элеоноре Львовне. Как часто ее коллегам приходилось просить представить письменную форму доклада на конференцию, подготовить статью (согласно десятку пунктов требований), оформить рабочую программу курса (с ее обязательными профилями, модулями и зачетными единицами). Родная Элеоноре Львовне кафедра отечественной истории старалась помочь ей разобраться в этих

непростых и постоянно меняющихся формулировках и требованиях к научному и образовательному процессу, в котором Элеонора Львовна была, прежде всего, Учителем, Творцом идей, Человеком Университетским по сути, а не по форме. Сократу или Платону в наше время было бы непросто ответить на вопрос: «Какие общекультурные и профессиональные компетенции формируются у обучаемых в качестве результата применения образовательных технологий в Ваших занятиях лекционного типа?»

С Элеонорой Львовной мы родились в один день – 21 апреля, по этому поводу она говорила: «звезды просто так не сводят». Общаться с ней было очень легко и интересно, всегда чувствовалась молодость ее души, жизненный оптимизм (даже во время тяжелого недуга), бескорыстность, деликатность, отзывчивость. Умеренность в быту, граничащая с самоотречением – поражала, открытость к новому – удивляла, простой будничной разговор – радовал. Дом Элеоноры Львовны всегда был открыт, она всегда была рада встрече и, несмотря на занятость, уделяла свое время и внимание. Везде и всегда Элеонора Львовна смотрелась органично и была собой – и в экспедиции, и в аудитории, и на трибуне, и в общении с иностранными коллегами и с высокопоставленными чиновниками.

Добрая память о человеке – это память о его делах и сказанных словах. Научно-исследовательская лаборатория «Социальной антропологии» Томского государственного университета носит имя Элеоноры Львовны Львовой. А слова – отдельные фразы, замечания, ответы, и серьезные, и шуточные, которые стали уже «афоризмами житейской мудрости» (и многие из которых теперь ушли с их автором, ведь казалось, что общение с Учителем будет вечным), вот они:

«Лучшее – враг хорошего!»,

«Образование – получаешь даром и отдаешь даром»,

«Восток ставит предел не человеческому познанию, но человеческому своеволию»,

«Это сложно выразить в рамках формализованного логоса»,

«Выбрать способ высказывания»,

«Поле этнографических смыслов»,

«Образовательная ситуация»,

«Слово отлично имеет очень ясную природу – отлично от среднего уровня»,

«К нашему сожалению, вы многое не говорили, а вот к нашему удовольствию?»,

«В хранящей душу нищете»,

«Мы не можем ждать милости от древних тюрков, заставить их заговорить – наша задача»,

«Как вам удастся сохранять такую исключительную доброжелательность в общении со всеми коллегами на факультете? – Все очень просто – не иметь карьерных устремлений»,

«Свободен, свободен, наконец-то свободен!» (эпитафия Мартину Лютеру Кингу)».

Е.В. Нам

Глубина проникновения в предмет, нестандартность мышления и философская (мировоззренческая) широта обобщений выражают суть исследовательского почерка Элеоноры Львовны. Однако, мне кажется, важнейшей составляющей ее уникальной личности был неповторимый педагогический стиль, основой которого был принципиальный антиавторитаризм. Однажды, покорилив мой незрелый юношеский дух, отрицавший любые авторитеты, он навсегда остался для меня неким эталоном общения с людьми и стал главным принципом воспитания моих собственных детей. Совершенно в «сократическом духе» Элеонора Львовна никогда не преподносила нам, ее ученикам, готовых истин, помогала раскрыть собственный внутренний потенциал, предоставляя возможность и неповторимую радость самостоятельных открытий. И это была ее твердая жизненная позиция, от которой она никогда не отступала.

За все время нашего общения, особенно в период моей аспирантуры, когда я с особым воодушевлением приносила ей свои «тексты», мне ни разу не пришлось услышать от нее слов, дающих безапелляционную оценку моему «творчеству», типа: «неправильно», «плохо», «незрело», «это нужно переделать» и т.п. Но она сразу же видела в том, что уже написано, множество новых перспектив, которые могла обозначить несколькими словами или емкими фразами. Переосмыслить их необходимо было самостоятельно, но их ценность невозможно было переоценить. Таким образом, она не столько критиковала, сколько помогала двигаться дальше. Теперь, спустя уже много лет,

критически просматривая эти «тексты», я начинаю понимать «педагогическую» мудрость Элеоноры Львовны, сумевшей увидеть в них первые, пусть и не всегда удачные, попытки самостоятельно мыслить, ранние этапы духовного и интеллектуального взросления.

Сила ее воздействия и влияния на тех, с кем она общалась, была огромной, но она никогда не подавляла, а скорее вдохновляла, окрыляла, открывала совершенно новые, ранее неведомые горизонты, которые были доступны ей, и с которыми она делилась удивительно просто, ненавязчиво, щедро. Единственное, что требовалось от собеседника – это открытость к восприятию, способность услышать, внутренняя духовная и интеллектуальная готовность понимать значимость услышанного. В общении с Элеонорой Львовной ощущалась неслучайность и ценность каждого произнесенного ею слова. Многие становилось открытием, глотком свежего воздуха, выходом из духовного и душевного тупика, а до многого еще нужно было дорасти. И очень хотелось расти, чтобы быть достойным собеседником и в следующий раз обязательно поймать ту особую, только ей ведомую, душевную «волну» и сполна ощутить всю силу ее мысли.

Сейчас, вспоминая этого удивительного человека - Элеонору Львовну Львову, приходит понимание того, что всех нас - тех, кому выпало счастье неформального, «настоящего» общения с ней, коснулся «сократический дух» интеллектуального и духовного диалога, как средства самопознания и постижения истины, дух осознания высшей и непреходящей ценности человеческой личности и необходимости постоянного духовного совершенствования.

А еще Элеонора Львовна очень любила свой город, неспешные пешие прогулки, любила и хорошо умела плавать, всегда сетовала на то, что не умеет готовить, но, тем не менее, пекла очень вкусные пироги, заваривала для гостей удивительно вкусный чай с самыми разными ароматами. И, мне кажется, не было для нее большего удовольствия, чем неспешная беседа с интересным человеком за чашечкой ароматного чая.

Г.В. Грошева

Мое личное знакомство с Элеонорой Львовной состоялось в июне 2002 года, когда я по рекомендации своего научного руководителя Андрея Марковича Сагалаева пришла к ней на консультацию. Первое, что меня поразило, - это доброе расположение, с которым Элеонора Львовна встретила ранее незнакомую ей молодую исследовательницу, ее внимательное отношение ко мне как к собеседнику, заинтересованность в диалоге. Так распорядилась судьба, после ухода из жизни Андрея Марковича, именно Элеонора Львовна «взяла меня под свое крыло», став не просто вторым научным руководителем, а Учителем, в самом глубоком смысле этого слова.

Наше сотрудничество с Элеонорой Львовной складывалось легко и плодотворно. Ее дом был всегда открыт для учеников, консультации проходили в душевной атмосфере. Ее комментарии удивляли глубиной и неординарностью трактовок тех или иных вопросов; она никогда не диктовала свое видение проблемы, не предлагала готовых решений. Научное руководство Элеоноры Львовны оставляло ощущение свободного плавания, в процессе которого происходило становление моих научных взглядов. Менялось и само отношение к жизни, незаметно формируемое под влиянием общения с этим удивительным человеком.

Элеонора Львовна являла собой пример настоящего ученого. Всегда поражала ее широчайшая эрудиция, неугасаемый интерес к познанию окружающей действительности, умение увидеть в самых обыденных вещах удивительный мир, достойный внимания исследователей-антропологов... В любых жизненных обстоятельствах она сохраняла интерес к окружающему миру и волю к постижению нового. И больничная палата, в силу жизненных обстоятельств, становилась для нее исследовательским полем. Она делилась впечатлениями о том, как наблюдая за своими соседками по палате, слушая их разговоры о житейских заботах, «открывала» для себя повседневный мир жительниц окрестных деревень, его глубокую духовную составляющую... Помнится, с каким воодушевлением однажды она мне сказала: «Галина, а ведь это может стать самостоятельной темой исследования - «Женщины томских предместий»! Правда, это очень интересно? Предложите ее кому-нибудь из своих студентов»...

Элеонора Львовна не была «кабинетным» ученым. К сожалению, мне не выпало счастья побывать с ней в научных экспедициях, но навсегда останутся в памяти наши прогулки по улицам Томска, и происходившее под ее влиянием мое погружение в мир деревянной архитектуры. Она

любила бывать на природе. По ее приглашению я стала бывать на базе отдыха в Киреевске, именно там, у вечернего костра в ходе беседы с Элеонорой Львовной созрела окончательная формулировка темы моей диссертации. Вокруг таких костров собирались интереснейшие компании, обсуждались актуальные темы.

Под влиянием Элеоноры Львовны наука воспринималась не как схоластика, а как то, что способствует обогащению человека знанием об окружающем мире, обществе, о самом себе... Каждая встреча с ней, любое наше общение расширяло рамки моей вселенной в научном и мировоззренческом плане.

Элеонора Львовна была неравнодушным человеком. В любой беседе, так или иначе, чувствовалось ее переживание за судьбы страны, родного города, науки, образования. Она всегда с душевной теплотой отзывалась о студентах и верила в особую миссию университета. «Даже если мы не вырастим из них настоящих ученых и высококлассных специалистов, - говорила она о студентах, - они выйдут из стен университета обогащенные знанием и приобщенные к культуре академической среды». И для меня Элеонора Львовна стала тем человеком, который ввел меня в академическое сообщество исторического факультета ТГУ; благодаря ей я познакомилась со многими замечательными людьми, расширила круг своего профессионального и личного общения.

Элеонору Львовну отличали удивительные человеческие качества: внимательность, умение выслушать и поддержать, порадоваться успехам; с ней без страха и особого стеснения можно было делиться личным, сокровенным. Она благословляла в дальние поездки, возвращаясь из которых я спешила поделиться с нею новыми впечатлениями; передавала приветы и «поклоны» моим родным и близким... Всегда чувствовалось, что и в жизни самой Элеоноры Львовны очень значимы были семья и отношения с родными. Она с нежностью делилась светлыми воспоминаниями о супруге Юрии Алексеевиче Львове. Помнится, с какой гордостью рассказывала о том, что в честь него назван один из астероидов Солнечной системы – «Юрильвовия». Она с любовью отзывалась о своих внуках Маше и Никите, с благодарностью говорила о дочери Анастасии Львовне.

Очень многое значило для меня наше общение, после бесед с Элеонорой Львовной появлялись новые силы, созревали планы на будущее. Она обладала удивительной способностью вселять веру в человека.

Элеонора Львовна, как человек и ученый, оставила глубокий след в моей жизни, светлый образ в сердце и ощущение постоянного присутствия в сегодняшней действительности.

Е.Ш. Сафиуллина

Уроки Львовой

К Элеоноре Львовне Львовой я пришла после 1 курса. Во время прохождения археологической практики мы дежурили у костра с м.н.с. Я.А. Яковлевым. Он поинтересовался моими планами. «Иди к Львовой, все националы у нее». Так я узнала, что я «национал».

После каникул пришла на консультацию к Э.Л. Львовой. «Что Вас интересует в этнографии?» – спросила она. Я рассказала ей случай из детства. Как мы с подружками резвились на берегу Меши, подошла соседка, положила коромысло на землю, начала полоскать белье. Я со всей прытью перепрыгнула через него. «Ой, ееей, балакаем, перешагни обратно, а то что-то там случится...» Послушно исправила свою ошибку, но случай врезался в память прочно. Сказала, что понять хочу, почему нельзя. «Это явление из области табу. Почитайте для начала работу Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь». Он собрал и систематизировал огромный материал по первобытным верованиям, в том числе, магии и табу, древним и современным религиям, народным обычаям, существовавшим в различных уголках земного шара». Так начался путь в этническую психологию. Потом развернулась дискуссия на страницах «Советской этнографии» на эту тему, и понеслось...

Как-то на консультации, перед сдачей экзамена по этнографии, у нее спросили: «Как Вы будете принимать экзамен? Она ответила: «Соответственно имени, отчества и фамилии». В одном из номеров факультетской газеты «Хронос» были эпиграммы на преподавателей ИФ. О ней было написано : «...с улыбкой мадонны, она бесподобна».

«Мои ученики в большинстве своем робинзоны, и Вы – не исключение», - заметила она. Как это ни странно, но во время учебы в ТГУ я с Элеонорой Львовной общалась не очень тесно. Как правило, мы встречались в начале года и в конце, на защите курсовых работ. Если у меня возникали

вопросы, я советовалась со своим учителем истории в школе Д.М. Исхаковым, который к этому времени уже защитил диссертацию в Москве по этнологии, или старалась их решить с помощью своих приятельниц старшекурсниц, двух Ирин: Максимовой и Октябрьской. С последней мы жили в общежитии, и общение было доступное.

Первый раз мой научный руководитель пригласила меня к себе домой, когда я уже заканчивала 5 курс. На преддипломную практику выдался шанс поехать в Москву или в Ленинград. «Вы поедете в Ленинград, там Р.Ф. Итс, и хорошая библиотека Академии наук». Записала номера телефонов своих ленинградских подруг, и я с нашего курса одна поехала в город на Неве. Я шла по набережной по колено в холоднющей воде (был февраль) и обратилась к первой попавшейся навстречу женщине. Она сказала, что Итс болен, у него инфаркт. Телефоны подруг молчали. Я окопалась в библиотеке, целыми днями читала редкие книги по теме диплома. Потом в книжной лавке увидела сборник статей иностранных авторов по моей теме, поняла, что если я ее куплю, жить будет не на что. Если не куплю - незачем. Вспомнила, как Ф.Э. Дзержинский, во время нахождения на каторге, боролся с произволом администрации путем голодания. Достала широкий ремень, завязалась туго, чтобы в животе не урчало, и несколько дней пила только воду. Но наука того стоила. Я в нее ушла как в веру.

В годы учебы Львова была, как мне казалось, кабинетным человеком. Сложился такой образ женщины с книжкой на диване. И эту ее идиллию не хотелось нарушать, в этот мир вторгаться со своими глупостями. Во время студенческих конференций, наша секция по археологии и этнографии проходила в музее археологии. Я всегда сидела и с нетерпением ожидала, когда сделает обобщение всему, что сказано, Львова. Это было как всегда ювелирно, изысканно, деликатно, просто виртуозно. В этих оценках была такая математическая точность, аккуратность, и это всегда было попадание «в десятку» Она точно определяла вектор развития каждой темы, могла одной яркой репликой объяснить самую сложную теорию.

Как-то раз я выступала на очередной студенческой научной конференции. Видимо, в докладе не хватило «перца» и Львова заметила: «в Испании, чтоб показать, как это великолепно, говорят: «О, мачо». Это красиво, как красив мужчина. Потому что именно он есть мерило прекрасного и самая большая ценность испанского мира. Сразу становилось ясно, в каком направлении дальше надо искать.

Когда университет остался позади, начались самые интересные университеты. Меня распределили в Эушту - родовое гнездо Тояна. «У Вас так хорошо пошла тема, она очень перспективная. На Эушту – один год (вместо положенных в то время трех лет отработки). Она должна стать стационаром для проведения наблюдений». Это был наказ Львовой. В первое время была такая невыносимая тоска, что я (человек без вредных привычек) специально поехала в город, купила в киоске корейские сигареты и выкурила полпачки, и чуть не умерла. Львова, как почувствовала это. Они с И. Октябрьской приезжали ко мне с тортиком, но я была в городе. Под Новый год я получила от Э.Львовны открытку, где она напомнила, что пора подумать о будущем. Тут началась Перестройка, всем вскоре стало не до науки.

Работая все эти годы (30 лет) в школе, я всегда представляла себе, что за дверями кабинета истории стоит Львова и слушает чушь, которую я несу. От одной такой мысли меня бросало в дрожь. Не было случая, чтобы я позволила себе прийти на занятие неподготовленной, не пополнив багаж какой-нибудь свежей информацией для детей.

Она по своему оберегала от ненужных, как ей казалось, для меня вещей. «У меня в областной администрации интересовались - не согласились бы Вы возглавить отдел по работе с национальностями, там нечто такое создается. Я им сказала - что административная работа не для Вас. Вы - человек творческий, а администрирование - это гибельный путь для Вас».

Но когда в 1995 году я созрела, чтоб начать радиопередачи на татарском языке на областном радио, я обратилась за поддержкой к Элеоноре Львовне, она радостно согласилась принять участие в первом, пилотном выпуске. 1 апреля, в день выхода передачи в эфир, вступительную часть открыла именно она. «Скоро начнется новое тысячелетие. Я уверена, что оно пойдет под знаком двух великих конфессий - христианства и ислама»... В годы работы на областном радио мне еще раз пришлось обратиться за поддержкой к Элеоноре Львовне. И я в очередной раз убедилась, что не случайно в ее имени так много львов.

Через 6 лет после того, началась программа «Здравствуйте, соседи!», появился еще один национальный канал на ГТРК «Томск» - «Рукопожатие». И областная администрация выделила грант для национальных программ. Когда я пришла в администрацию, в отдел, курирующий национальные отношения, мне молодой, пухленький чиновник сказал, что «...деньги выделяются только «Рукопожатие». Это «рупор государства». А Ваша передача «Здравствуйте, соседи», нужна только вам, татарам». В сумке у меня был репортер, и я попросила его членораздельно повторить эту фразу «под запись» для губернатора В.М. Кресса, чтобы ознакомить его, какие люди, с какими установками делают национальную политику в Томской области. Я записалась на прием к начальнику департамента, и рассказала об этом разговоре Элеоноре Львовне. Она была в страшном гневе. «Я пойду с Вами на прием». Во время встречи с В. Уймановым она сказала: «Передача Сафиуллиной - самодеятельная по духу. Она создана снизу...»

Почему-то Элеонора Львовна неправильно называла мое отчество. И, если кто-то звонил и спрашивал Елену Шаукетовну, я знала – этот человек от Львовой. Хоть и не пришлось заниматься наукой по жизни, но львовские ученики частенько приезжали за материалами, живыми наблюдениями и т.д., которые нужны были для подтверждения каких-то предположений.

Погружение в этническую психологию сделало дальнейшее существование более интересным, осмысленным. Все, что происходило в житейских ситуациях, подвергалось рефлексии именно с этого ракурса. Всею находилось свое объяснение.

Как-то звонит она мне и говорит: «Просматривала последний номер «Нового века» и наткнулась на Вашу статью о репрессиях против мусульманского духовенства. Вам удалось в одной фразе без надрыва, истерии, с фатальным мусульманским спокойствием показать свое отношение к происходившему в стране».

В течение жизни она очень сильно менялась. Где-то после 50-ти она стала более активным и заметным человеком в общественной жизни не только области, но и Сибири. Я очень благодарна Львовой за то, что она приглашала и подключала меня в команду по выполнению госзаказов. Как, например, это было по программе «Возрождение тюркоязычных народов Томской области» (1994 г.) Наши встречи у нее дома, работа в группе с выдающимися людьми, профессионалами высочайшего уровня, над различными проектами, и стали собственно, настоящим жизненным и творческим университетом. В этой домашней лаборатории оттачивалась каждая фраза до блеска.

Отдельной страницей в наших отношениях стало сотрудничество в деятельности Межрегионального общественного движения «Сибирский народный собор». Первый съезд этого движения был посвящен национальным отношениям в Сибири. И именно томские этнологи: Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Рындина О.М, Шерстова Л.И. вошли в группу экспертов собора в Томске. Если остальные подключались в работу движения, когда им позволяло время, то Львова была его опорой, генератором идей, участником практически всех съездов. «Надо, чтоб была сквозная антропологическая тема «Человек в Сибири». Именно ей принадлежит идея проведения 7 съезда в Томске. Тема была предложена ею же - «Семья». Вскоре появилось решение правительства о материнском капитале и о ряде мер по укреплению института семьи. Соборяне не только изучали общественное мнение (по замыслу создателей этого государственного проекта это была цель), они заставляли в ее лице понять, что именно оно в конечном итоге решает все.

В процессе общения я заметила, что у Элеоноры Львовны напряженные отношения с людьми, к которым я, лично, относилась очень хорошо. У мусульман принято способствовать сближению людей. За это свыше воздается большой савап.

Когда мы готовились к 4-ому съезду собора по образованию в Сибири, который проходил в Красноярске, ей удалось преодолеть отчуждение с Г.И. Петровой. Так как я отвечала за формирование состава томской делегации, я включила туда их обеих. Более того, они вели, как говорила Элеонора Львовна «в парном преферансе» один круглый стол. Галина Ивановна просто очаровала Львову, как та заметила «тихой, интеллигентной манерой подачи материала, заставляющей невольно вслушиваться». Полагаю, в данном случае ее подкупило в Г. Петровой то, что ей нравилось в себе самой.

На последнем, 10 съезде собора в Омске, они подружились и с Ю.В. Петровым (незадолго до его кончины). Теплый, неторопливый разговор в купе двух седовласых людей о судьбе А.В. Колчака было само по себе завораживающим зрелищем.

К 60-летию Элеоноры Львовны я сделала выпуск, посвященный ее незаурядной личности. Своими воспоминаниями о ней делились друзья, ученики, коллеги: Л.А. Чиндина, В. Кулемзин, А. Сагалаев, О.М. Рындина, К. Майданюк и т.д. Но заключительное слово сказала сама Львова. Она подводила итоги радио разговора 40 секунд. Цитата была из И. Бродского. «Пока мне не залепили рот глиной...»

В.Я. Кыдыева

С нивы алтайской этнографии

На первом курсе в первом семестре дисциплину «История первобытного общества» читала нам Элеонора Львовна. Когда сдавали зачёт, она у меня спросила: какому алтайскому сеоку/роду я принадлежу и что я знаю об его происхождении. О происхождении своего сеока майман я ничего не смогла рассказать, но о сеоке тодош, к которому принадлежит моя мама, я от бабушки слышала, но краем уха. Элеонора Львовна мне дала задание на зимних каникулах записать от бабушки легенду о происхождении сеока тодош. Это был мой первый опыт работы с информатором. Впоследствии легенда, записанная от бабушки, мне пригодилась при написании кандидатской диссертации, её я включила в монографию «Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке» (2008).

Курс «Этнография» нами был прослушан во втором семестре того же первого курса. Его же мы сдавали экзаменом. Лекции Элеоноры Львовны первокурснику было слушать интересно, но записывать сложно. Всё подряд записывать не успевали, а выбрать что-то хотя бы для сдачи экзамена еще не умели. Я свои лекции потеряла, кто-то взял во время сессии и не вернул, а они мне очень были нужны, когда я сама на историческом факультете Горно-Алтайского государственного университета вела курс по этнографии. У меня сохранились мои тетради по семинарам и с конспектами. План семинарских занятий Элеоноры Львовны я использовала, когда самой довелось преподавать основы этнографии студентам.

Элеонора Львовна меня переманивала на этнографию, но я поступила на истфак ТГУ, чтобы стать археологом, поэтому расстаться с археологией, по которой я уже готовила курсовую работу, ходила на археологический кружок, не могла. Но этнография всегда была рядом со мной.

На третьем или четвёртом курсе спецсеминар на кафедре досоветской истории один семестр вела Элеонора Львовна. Она поручила каждому выбрать себе работу одного из ведущих исследователей по этнологии, подготовить доклад и выступить на семинаре. Я про это задание забыла, когда Элеонора Львовна стала спрашивать, кто какого исследователя выбрал, и по какой теме будет готовить доклад, все стали называть исследователей кто-то назвал Фрейда, кто-то археолога Шлимана даже тему доклада, оказывается, многие сходили в библиотеку посмотрели наличие литературы. Я в лёгкой панике вспомнила Моргана. Мой выбор очень обрадовал Элеонору Львовну, а тему доклада мне она сама сформулировала «Институт рода в работе «Древнее общество» Л.Г. Моргана».

В библиотеке исследований именно по этой теме оказалось очень мало, пришлось штудировать Л.Г. Моргана, пролистывать толстенный конспект К.Маркса «Древнего общества». Доклад был написан, прочитан на семинаре. Доклад заслужил похвалы, и даже Элеонора Львовна порекомендовала его выдвинуть на студенческий конкурс, но для этого его нужно было набрать на машинке. Машинки печатной в то время студенты не имели, и печать я не умела, поэтому мой «труд» так и остался в рукописном виде, не увидев большого света. Мой доклад до сих пор жив, я нашла его, уточнила его название.

На семинаре каждый, прослушав докладчика, должен был задать ему вопросы. Сначала мы, чтобы не подвести докладчика, отказывались задавать ему вопросы, но Элеонора Львовна сказала, что мы тем самым оказываем своему товарищу очень плохую услугу. Теперь я понимаю, почему она обязывала слушателей задавать вопросы. Во-первых, чтобы доклад слушали, а не делали вид что слушают, во-вторых, прививала умение отвечать на вопросы, держаться перед аудиторией. По значимости, наверное, вторая причина важнее. На этих семинарах даже возникали дискуссии, после заданных вопросов. На семинарах Элеонора Львовна присутствовала, а мы учились выступать перед аудиторией, хоть и небольшой, слушать докладчика, задавать и отвечать на вопросы. Все эти навыки, эта закалка пригодились и до сих пор пригождаются. Марка ученика Томского университета определяется и этой закалкой.

После окончания университета я встретила с Элеонорой Львовной в Новосибирском Академгородке на конференции, посвященной строительству Катунской ГЭС. Противники строительства ГЭС вступали в полемику с гидростроителями. Время было бурных дискуссий. На конференции противники строительства, делали большую ставку на этнографов, т.к. одним из главных аргументов нецелесообразности строительства такого гиганта как Катунская ГЭС был вопрос о судьбе алтайского народа, об его ассимиляции после прибытия огромного потока строителей. Из Томска приехала Элеонора Львовна, её выступление было посвящено положениям документа Международной организации труда «Конвенция 169 о коренных и других народностях, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Хотя эта Конвенция не была ратифицирована в СССР, но основные её принципы впоследствии мы, алтайцы, использовали в своих полемиках за свои интересы как коренной народ. О существовании такого документа мы узнали от неё.

На эту конференцию я приехала с сообщением. Элеонора Львовна, бегло просмотрев моё выступление, тут же указала, где делать акценты. Она сказала: «вы видите аудиторию», а аудитория в основном состояла из специалистов технического направления, поэтому надо давить на эмоцию, и указала на какие моменты делать акцент в своем выступлении. Умение чувствовать аудиторию приходит с годами. Но то, что аудиторию нужно чувствовать и понимать, я усвоила по подсказке Элеоноры Львовны, тогда в конце 1980-х ей было примерно столько же, сколько мне сейчас.

Я все пять лет учёбы в университете летние каникулы проводила на археологических раскопках, практику после первого курса я выбрала археологическую, у меня не было навыка ведения этнографической работы в поле. Кто-то из этнографов однокурсниц как-то сказал, что во время этнографической практики, приехав в деревню, Элеонора Львовна первым делом идёт в сельский Совет, а вечером – в клуб смотреть фильм. Когда, по воле судьбы, я стала этнографом и начала сбор полевого материала, я последовала этому примеру и поняла, почему так поступала Элеонора Львовна. Первым делом этнограф должен уважать тех, кого собрался изучать и поэтому обязан поставить хозяев, в то время сельские Советы, в известность о своих намерениях и одновременно заручиться их поддержкой, а вечером, посетив клуб, поставить в известность сельчан и, что не маловажно почувствовать «аудиторию». Способ почувствовать аудиторию таким способом – это находка Элеоноры Львовны или её этому научил кто-то, я не знаю, но этот метод полевого исследования я использовала и скажу, что это очень эффективный способ. После посещения клуба, на следующий день всё село уже знает, кто приехал, зачем приехал. И что немаловажно, таким образом можно почувствовать дух конкретной деревни, ведь каждое алтайское село в клубе проявляло себя по-своему. Жаль, что сегодня нет возможности в сельском клубе всем селом посмотреть кино, а этнографу окунуться в эту специфическую среду каждой деревни.

В начале 1990-х, когда я училась в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, в Москву приезжала Элеонора Львовна. Если не ошибаюсь, она хлопотала об внесении чулымских татар в перечень коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Институт этнологии и антропологии размещался на 18-м и 19-м этажах шикарного современного здания с огромными окнами со скоростным лифтом. Но войти в это здание можно было только по пропуску. Переезд института этнологии в это закрытое здание Элеонора Львовна не приняла. Она сказала: «Этнограф не должен закрываться от народа».

У меня есть коллективный труд томских этнографов «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» с автографом и пожеланием успехов на ниве алтайской этнографии от Элеоноры Львовны. Эту книгу она мне подарила, когда я приходила к ней за консультацией по теме диссертационного исследования и выбора места учёбы в аспирантуре. Дверь мне открыла Элеонора Львовна, на руках у неё был внук, который капризничал, то ли хотел спать или только проснулся. В моей памяти она осталась не только в образе учителя за кафедрой, но и бабушки с внуком на руках.

Г. Ш. Файзуллина (Хабибиева)

Когда-то я думала, что отец был пан-тюркистом, националистом или кем-то таким. Потому что я выросла в национально ориентированной семье. И позднее поняла, что это просто механизмы сохранения этничности в диаспоре. Понять, «что я есть такое» помогла этнография. Но до Университета этого слова я не знала (в отличие от Нины Месштыб, которая целенаправленно хотела

учиться именно этому предмету). И поэтому после первого курса поехала не в крутую экспедицию на Алтай к шаманам, а в Чаинский район. И там, «в перерыве», Элеонора Львовна назначила меня «начальником экспедиции», в которой были два человека - я и Лена Зайцева, и отправила в двухдневную командировку в какую-то отдельно стоящую деревню... Хорошие времена были, раз можно было отпустить двух 18-летних девчонок «на сторону», без присмотра. И какой же опыт общения с молодыми людьми надо было иметь, чтобы так сразу разглядеть во мне способности руководителя и организатора.

И были мы потом и у хакасов, и у телеутов, и селькупов искали в актах регистрации гражданского состояния. Но это были не только ежегодные студенческие практики. Э.Л. Львова однажды пристроила нас в экспедицию в Колпашевский район, не столь экзотично как нам хотелось бы, но в этой экспедиции были А.С. Арутюнов, В.И. Васильев, В.М. Кулемзин, А.В. Головнев, О. Бруснева и ... мы, члены научного этнографического кружка. О том, что экспедиция запомнилась на всю жизнь, говорить даже и не стоит. О том, что это заранее знала Элеонора Львовна, и не очень понимали мы, тоже говорить не стоит.

Очень многое «посеянное» в той, студенческой жизни, принесло плоды в моем зрелом возрасте. На втором курсе у меня была работа, сделанная на интервью с отцом. А через много лет - лучшая статья («ваковская») – на основе интервью с мамой.

И всё-таки лучшая (значимая) практика в моей жизни – это поездка к татарам в тобольское Заболотье. Два диплома на её основе было сделано – мой и Алексея Петренко. Как-то Элеонора Львовна сказала в ответ на вопрос о её докторской, что её счастье – растить нас, студентов, видеть, как из маленького зернышка кинутого ею, студенческой научной работы вырастает нечто оригинальное и достойное. «Заболотные татары» стали моей судьбой – и профессиональной, и личной. Основной материал диплома был издан отдельной статьёй через 10 лет после окончания университета в сборнике ИАЭ РАН. И до сих пор не потерял актуальности. Элеонора Львовна не просто отдала его мне, студентке третьего курса, а считала, что он мой. Мне безумно дорога одна маленькая ссылка в самом известном издании - «Мировоззрение тюрков Сибири» - «Материал любезно предоставила Галия Хабибиева». А ведь это даже не была моя публикация, это был просто мой диплом. На фоне того, что я видела впоследствии, например, как доктор наук мог взять из совместной монографии параграф, написанный молодым, не остепененным сотрудником, и опубликовать его как статью под своим именем (только потому, что он руководитель проекта), эта ссылка для меня много значила. Она говорила о высоком нравственном и уважительном отношении Учителя к ученику. Это был – Урок.

Она была таким преподавателем... Например, по расписанию у нас было её занятие. Ждем, нет её. Звоним домой. Она что-то перепутала, но сейчас придет, и мы всем составом терпеливо ждем. А вы видели, чтобы студенты так звали и ждали преподавателя? Я – нет, только с Элеонорой Львовной так было. Из докладов на её спецкурсе также выросли солидные научные работы. Например, Вера Кыдыева, в университете защищала диплом по археологии, а кандидатскую - по этнографии, у неё статьи об алтайских сеоках (про них и был доклад на спецкурсе), а я до сих пор из этнографов больше всего люблю читать Маргарет Мид.

А ещё она совершенно свободно давала книги студентам из своей личной библиотеки. Неужели мы были настолько прилично воспитанными молодыми людьми, что она всем доверяла? Или мы таким становились после общения с ней? Теперь это кажется странным.

Студенческое братство оказалось самым крепким в нашей жизни. Елена Литвинцева (Мангатаева), Нина Месштыб оказали большое влияние на мой выбор и увлечение этнографией. Сейчас Елена – доктор социологических наук, у меня – основное поле деятельности – музеи, Нина – настоящий этнограф-исследователь (живет в Финляндии). И по этому поводу вспоминается рассказ Элеоноры Львовны – «Когда мы были студентами, то в одной из этнографических экспедиций, мы вчетвером оказались в одной лодке. Впоследствии один из нас стал социологом, один – этнографом, один – партийным деятелем коммунистом, один – священником». И хотя наши жизненные пути разошлись, наша «лодка» оказалась плавучей и крепкой. Или просто это наши «души» повешенные на искусственной елке в День этнографа, который отмечался нашим научным этнографическим кружком 10 декабря, так и остались там висеть и взростеть. Сколько таких «душ» было выращено Элеонорой Львовной...

А по этнографии у меня в дипломе стоит «четверка». Достался самый легкий билет – «индейцы прерий», а поскольку я думала, что ничего мне легко не достанется, просто не стала учить этот билет. И теперь, когда мне перепадает «подарок судьбы», а я не готова его принять, думаю – «во всем виноваты индейцы прерий».

Из всех каникул дома я бывала только одну неделю. Где уж мне было найти мужа-татарина, которого от меня ждали родственники. Однако, нашелся, в том самом Заболотье, куда я поехала на педпрактику, чтобы добрать материал для диплома. И дочь мою зовут Эльнора (подправили под тюркское звучание). Это и есть мой главный подарок Судьбы, проводником которой была и Элеонора Львовна, и, видимо, не только мой.

Н. Бартенева (Цыкина)

Когда я узнала, что умерла Элеонора Львовна, я плакала. Всё вспомнила, её первые лекции, семинары, экзамен, встречу в Первомайском районе во время экспедиции с О.Б. Беликовой.

Вспомнила, как первый раз Услышала её. На первом курсе её лекции по истории первобытного общества поставили нам не сразу, а где-то в начале октября. В расписании её лекция была второй парой. А я из-за своей гипотонии на второй паре просто спала. Но однажды, уже где-то в ноябре, я проснулась, что называется, раньше обычного и услышала конец её лекции, и поняла, что я проспала что-то очень ценное и важное. И внутренне дала себе слово, что буду делать всё, чтобы слушать и записывать её, а те лекции, которые я проспала – перепишу. И это тот редкий случай, когда я это слово сама перед собой сдержала: её лекции и по первобытному обществу, и по этнографии были единственными, которые я переписывала у однокурсников, и они у меня были все. В ценности этих записей я не ошиблась: они были теми редкими лекциями, которыми я реально пользовалась в своей преподавательской работе, особенно на первых порах в деревне, где книжек совсем не было, а лекции многих других наших преподавателей, тетрадки с которыми я притащила в Чёрный Яр, моментально устарели.

Зачет по истории первобытного общества тоже забыть нельзя: впервые взрослый человек, преподаватель всерьёз обращался к тебе по имени-отчеству. И в этом не было ни ёрничества, ни высокомерной позы. К семинарам по этнографии я готовилась и до сих пор с удовольствием могу описать всякие интересные детали из жизни сибирских народов, которые вычитала тогда. Но на занятиях не выступала, не понимала, зачем нужно просто пересказывать прочитанное, вовремя не врубилась в этнографическую специфику. А когда она говорила на семинаре, я боялась пропустить каждое её слово, так всё было интересно. На экзамене получила 4, хотя вопросы знала. «Но, поскольку ответов на семинаре не было, - с грустью сказала Элеонора Львовна, - то, увы, отлично, Наталья Васильевна, я поставить не могу». Обиды или раздражения у меня не было. Элеонора Львовна ведь похвалила ответ! Поразительно, даже указывая на недостатки, она поднимала самооценку.

А мимолетные встречи с нею уже после университета всегда были одновременно и содержательны, и очень-очень расположены ко мне, как собеседнику. Во время экспедиции с О.Б. Беликовой мы встретились с Элеонорой Львовной в Первомайском районе, в селе Берёзовка, это эстонское село, где эстонцы поселились во время столыпинской аграрной реформы. И Элеонора Львовна показала мне, что называется «в поле», как по крестьянской усадьбе можно понять различия в микрокосмосе русского и эстонского крестьянина. Меня такое маленькое открытие поразило тогда.

Последняя встреча была в Томске на кафедре, когда я, уже поступивши в аспирантуру, должна была в силу определенных обстоятельств решать вопрос, учиться мне или нет. Она пыталась убедить меня, что надо написать диссертацию, говорила, что надо бороться. Разговор был довольно откровенный, Элеонора Львовна всё поняла и разговаривала со мной очень мягко и мудро.

Особая история – это история с дипломом моей однокурсницы и подруги Галии Хабибиевой. Галия писала у Элеоноры Львовны курсовые работы все 5 лет в университете. И всё у них складывалось замечательно: Галия ездила в экспедиции, вела дневники, материал накопила ценный и обильный. Все курсовые у неё были на «отлично». На 5 курсе нужно было только всё собрать и систематизировать. В год нашего выпуска у Элеоноры Львовны было 5 или 6 дипломников и несколько курсовиков. Галия, в силу разных причин, черновик диплома написала и представила довольно поздно. Прочитав его, Элеонора Львовна была очень расстроена: те главы диплома,

которые почти без изменений вошли в дипломную работу из курсовых работ прошлых лет, были написаны хорошо, так как с ними Элеонора Львовна и Галия поработали в предыдущие годы. Но «Введение» и одна из глав, которые были написаны специально к диплому, нуждались в серьёзной стилистической правке. Времени оставалось мало, Элеонора Львовна не могла редактировать работу, а в таком виде диплом невозможно было оставить. Элеонора Львовна сказала Галие: «Подумайте, Галия, кто может Вам помочь!» Галка обратилась ко мне. У меня диплом был готов, и время до защиты было. Мы начали читать и править вместе, сначала шло туго, так как я должна была не только убирать лишние слова или находить нужные, но и «врубиться» в специфические особенности переходных обрядов жизненного цикла у заболотных татар, ничего не искажив в их описании и анализе. Но Галка – человек умный, дружелюбный и легкий, и мы поработали хорошо. Защищались мы с Галией в один день, и день этот был удивительным. Я шла на защиту почти как на казнь: А.Н. Попов, мой научный руководитель, принимал экзамен у заочников и не присутствовал на защите, Л.Г. Сухотина была моим рецензентом. А отношение ко мне Людмила Григорьевна сформулировала на зачёте по истории русского общественного движения. Я не сдала его с первого раза, на пересдаче она долго выпрашивала меня, а потом сказала: «Наташа, я, наконец, поняла: вы преувеличиваете ваши возможности!». После предварительного чтения диплома, она, правда, не была столь категорична, но от неё всего можно было ожидать. Однако всё прошло прекрасно: Л.Г. Сухотина хвалила мой диплом и рекомендовала в аспирантуру, рецензент Галии, расточал похвалы содержанию диплома и его этнографической ценности, а также отметил, что написан диплом «прелестно» (я запомнила). После защиты Элеонора Львовна подарила мне цветок из букета цветов, который ей, как своему научному руководителю, подарила Галия. Она сказала мне спасибо за Галкин диплом. Этот цветок и её спасибо - это то, что поддерживает меня всю жизнь. Так редко человек может быть одновременно и крупным настоящим учёным, и бескорыстным вдохновляющим учителем. Я и тогда очень была рада тому цветку, но со временем оценила ещё больше, так как понимаю, что на её месте не каждый так отнесся бы к той ситуации.

Е. Шафф

Есть педагоги, которые видят свою миссию в бесконечных наставлениях, поучениях, советах. И даже в практике межличностного общения они ведут беседу назидательным тоном.

А есть Учителя, которые своим жизненным примером, практикой общения в учебной и внеучебной деятельности дают нам очень важные, запоминающиеся на всю жизнь уроки. Уроки человечности, уроки нравственности, уроки доброты. Понимание смысла и значения этих уроков к тебе приходит много позже. Но тем ценнее их значимость.

В числе таких преподавателей была Элеонора Львовна Львова. Поэтому свою небольшую статью о ней я бы назвала **«Важные уроки Элеоноры Львовны»**.

Как и у многих студентов исторического факультета ТГУ, наша первая встреча состоялась во втором семестре первого курса. Невысокая, скромно одетая, с тихим голосом. С первых лекций она открыла нам пестрый, многогранный мир культуры разных народов. Без слайд-шоу и фильмов, одним живым словом она постаралась донести до нас мысль: **«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО - СЛОЖНЫЙ ОРГАНИЗМ. НУЖНО УМЕТЬ ПОНЯТЬ И ПРИНЯТЬ ЕГО ВО ВСЕМ ЕГО МНОГООБРАЗИИ»**.

А дальше была этнографическая практика. Группкой студентов, возглавляемых преподавателем, мы поехали в деревню со странным названием Вамболы. В наших дорожных сумках легко уместились летние наряды, тетради и даже гадальные карты (чтобы коротать вечера). Один наш однокурсник вызвался помочь донести сумку Элеоноры Львовны. И тут же пригнулся под тяжестью, казалось бы, небольшого саквояжа. Элеонора Львовна везла с собой книги. За время экспедиции она успела прочитать не только их, но и те, что купила в райцентре, по дороге к месту экспедиции. **КНИГИ – ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ**. Это понимал каждый, кто хоть раз бывал дома у Элеоноры Львовны. В то время, когда многие люди тратили немало времени, сил и средств на добывание дефицитных жизненных благ, в квартире Львовых большую часть жизненного пространства занимали книги.

Первым впечатлением от деревни Вамболы было чувство растерянности. Обычная деревня, с непривычным для нашего уха названием. Основана в начале XX века переселенцами из Эстонии, покинувшими родину в годы столыпинской аграрной реформы. Рубленые деревянные избы, минимум объектов социо-культурного значения. «Что здесь изучать? – думали мы. И вот первая разведка местности. Мы подходим к одному из домов. «Что вы видите необычного? – спросила нас Элеонора Львовна. Мы разглядывали, как могли. Но, увы! На наш взгляд, перед нами было типичное деревенское строение. «Перед вами дом, характерный для прибалтийских народов. Необычным является устройство кровли крыши на так называемых «курицах». И если вы заметили, то проявлением интровертной культуры эстонцев является обращение выхода домов во внутреннюю часть двора». Так постепенно перед нами стал открываться совершенно незнакомый мир другой культуры. **УДИВИТЕЛЬНОЕ НАЧИНАЕТСЯ С МАЛОГО, НУЖНО ТОЛЬКО СУМЕТЬ ЕГО УВИДЕТЬ.**

Спецкурсы Элеоноры Львовны - это не просто цикл занятий определенной тематики. Это была настоящая школа живого общения. В этой школе понимались и принимались любые наши идеи, порой даже самые наивные. К каждому она обращалась исключительно «на вы». В каждом выступлении старалась увидеть рациональное ядро. Но при этом ненавязчиво она умела подвести аудиторию к пониманию того, что **НА МНОГОЕ, ИЗ ТОГО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО И ПРОИСХОДИТ МОЖНО И НУЖНО СМОТРЕТЬ ПОД РАЗНЫМИ УГЛАМИ ЗРЕНИЯ.**

И вот последний курс. Дипломная работа по теме «Эстонцы в Сибири». Несмотря на то, что материала для работы было накоплено достаточно, я не была в числе тех, кто первым сдал работу на проверку своему научному руководителю. И к тому времени, когда завершила работу над черновиком, многие мои однокурсники уже успели по нескольку раз сдать свои труды другими наставникам. Регулярно среди студентов разносился слух, что кто-то переписывает работу практически заново уже в третий или четвертый раз. Поэтому, работая над дипломом, я вела внутренний диалог с Элеонорой Львовной, обдумывая, какие вопросы могут возникнуть, в чем недоработки. И вот работа отдана. И в назначенное мне время с определенным волнением я иду домой к своему руководителю. «Все одобряемо. Можете готовиться к защите», - фраза, с которой меня встретила Элеонора Львовна. **ДОБРАЯ ПОДДЕРЖКА ОКРЫЛЯЕТ.** Этому жизненному принципу я стараюсь следовать и в общении со своими учениками.

Еще Л. Н. Толстой писал, что если учитель *имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, — он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель. Нам, выпускникам исторического факультета ТГУ выпало редкое счастье - быть учениками такого Учителя.*

Г. И. Витовтова

Предложение - написать об Элеоноре Львовне сразу заставило высветить тот кусок прошлого, который давно ушел, но удивительным образом оставил в моей жизни или даже укоренил то, что впоследствии стало сутью характера. Расщепить и определить, что и откуда в тебе взялось, зачастую очень сложно, но только не в этом случае. Элеонора Львовна была от природы очень одаренным человеком и щедро делилась этими дарами со своими учениками.

Ее ученицей я стала на втором курсе, когда взяла у нее тему курсовой работы по этнографии. Впоследствии она руководила всеми моими курсовыми работами и дипломом. Необычность ее подходов к руководству обнаружилась практически сразу же. Я до сих пор поражаюсь той легкости, с которой она могла генерировать идеи. Мои сокурсники в написании своих сочинений оттачивали совсем другие качества: кто корпел над сносками, кто над структурой работы и пр. У меня же после каждой консультации, которые проводились еженедельно, появлялась новая идея. Консультация обычно завершалась словами Элеоноры Львовны: «Гая, хорошо было бы провести вот такую параллель...».

Каждая ее идея заставляла перевернуть большое количество литературы. Но даже не это главное. Каждая идея заставляла думать, всматриваться в проблему, крутить ее и иногда делать свои крошечные открытия. И пусть позже я могла найти это свое «открытие» в других книгах, но сладость творчества - та стезя, по которой направила именно Элеонора Львовна. И сама она знала вкус

творчества. Ее выступления на конференциях всегда были оригинальны, поражали глубиной мысли. Она умела работать с мыслью, как огранщик с алмазом. Я всегда удивлялась тому, как у нее это все красиво получается и понимала, что я никогда не смогу этому научиться.

Одна из четырех моих экспедиций в студенческую пору в Хакасию проводилась тоже под ее руководством. Всегда собранная, слегка ироничная, легкая в общении и способная удерживать нас на острие мысли потому, что нам студентам хотелось ей соответствовать - такой запомнилась Элеонора Львовна. О том, как сильно она о нас беспокоилась, я поняла однажды. Ей пришлось уехать из экспедиции пораньше, оставив нас под началом Марьям Султановны Усмановой. Незадолго до ее отъезда, произошел эпизод, связанный с поездкой нашей экспедиции на попутной машине, едва не завершившейся гибелью всех ее членов. После серьезнейших наказов всем и по очереди, пришла еще ее телеграмма из Томска: «Ходить только пешком и т.д.»

Теплым и открытым был и ее дом для меня, хотя я всегда сильно робела, посещая его при необходимости и в силу своего статуса студентки, и в силу его слишком «ученого» вида. Он остался в памяти как демократический, и аристократический одновременно. А хозяева встречали всегда приветливо, и это располагало, успокаивало. Общение всегда оставляло светлость и настраивало на творческий лад. Спасибо Вам за все, Элеонора Львовна. Я уверена в том, что Вы меня слышите. Люди ведь не умирают, они просто уходят вперед. Я помню Ваши слова: «Галя, Вы очень красиво пишете, только неразборчиво». Наверное, и сейчас получилось не очень понятно, но это от волнения.

А.Ю. Охотников

С Элеонорой Львовной меня связывают две экспедиции, два года спецсеминаров, три курсовых и дипломная работа. Я потому так скучно начал, что в остальном не могу различить каких-то «форматных» моментов, с которыми бы можно было связать впечатление от старшего коллеги и учителя, приведшего меня в профессию. Более двадцати лет нашего знакомства остались в памяти чередой бесед, и надо ли здесь писать, что лучшего собеседника не было. Боюсь, что уже и быть не может. Очень не скоро, после тысяч собственных студентов и сотен взятых интервью, с ужасом осознал, что диалог – процесс не только взаимный, но и затратный: если ты берёшь у собеседника, то что-то непременно оставляешь взамен. Элеонора Львовна часто приводила историю о кубинской делегации на экскурсии в Сибирском ботаническом саду. Гостям дали попробовать кедровые орехи, разъяснив, как добыть из скорлупы ядрышко. «Mucho trabajo» - «Много работы» - высказались кубинцы. Неловко за суету, отданную в обмен на мудрость; многие ее притчи понимаю только теперь.

Впрочем, в критический момент Элеонора Львовна высказывалась кратко: примечания к черновику диплома, например, комментировала односложно – понятно, устав и от меня, и от текста – отвергая или поддерживая варианты правки. Отредактировали сто страниц за двадцать пять минут.

Могу теперь написать, что Элеонора Львовна научила меня скромности. Ну, этому учат слишком многие, но именно ей кое-что удалось, просто однажды объяснив, что этнограф начинается с умения выслушать.

С семинаров Элеоноры Львовны я вынес умение «изобретать велосипед», идти к фактам прямым путем, попутно запрашивая коллег и изучая труды предшественников: этот метанавык избавляет от рутины и позволяет в любой работе ощущать себя автором.

Но главное, чему я у нее научился – видеть в человеке лучшее. Спасибо за оптику, Элеонора Львовна.

М. Н. Бабуца

В жизни каждого человека происходят встречи, которые определяют всю его дальнейшую жизнь. Именно таким поворотом судьбы для меня оказалась встреча с Элеонорой Львовной. В теплый июльский день 1999 года мы сидели на лавочке в третьем корпусе с моей подругой-однокурсницей Татьяной Букаевой и обсуждали нашу этнографическую практику. Элеонора Львовна не раз была в моем родном городе Прокопьевске и предложила заняться изучением украинцев. Дальше наша беседа плавно перетекла в душевную беседу о родителях, детстве Элеоноры Львовны, Томске. Именно с этого разговора зародился научный интерес к этой теме, которая вскоре переросла в дипломную работу, а впоследствии и в кандидатскую диссертацию. С Элеонорой Львовной мы

могли поговорить обо всем, с ней было очень легко, тепло, душевно, она всегда находила важные и нужные слова в любой ситуации. Она была для меня не только Учителем, но и близким человеком. Элеонора Львовна всегда говорила о том, что ей интересно жить, была полна энергии и оптимизма. Невероятно интересный собеседник, тактичный, чуткий Друг. Когда я вспоминаю об Элеоноре Львовне, душа наполняется светом, который она несла всем нам. Судьба подарила мне встречу с удивительным человеком, и я очень благодарна ей за это.... Низкий поклон от Ваших учеников!

Л.А. Короткова

Когда я вспоминаю об Элеоноре Львовне...

Я вспоминаю об Элеоноре Львовне довольно часто, она незримо присутствует в моей жизни и сейчас. Стоит мне взглянуть на мои книжные полки – там я вижу томики Урсулы Ле Гуин. Сколько романов этой писательницы я прочла, уже и не вспомню, а началось мое увлечение ее творчеством с совета Элеоноры Львовны. К одному из семинаров по социальной антропологии я готовила доклад об антропологе Алфреде Кребере, отце У. Ле Гуин, и «Левую руку Тьмы» и «Слово для леса и мира одно» Элеонора Львовна посоветовала мне прочесть дополнительно. Я прочла, и миры У. Ле Гуин стали моими спутниками на долгое время. Думаю, философия произведений У. Ле Гуин, ее ювелирное воссоздание механизмов межкультурных взаимодействий в вымышленной реальности, были близки и самой Элеоноре Львовне.

Когда я еду или прогуливаюсь по Томску, я также вспоминаю об Элеоноре Львовне. Мои этнографические практики проходили в городской черте, мы знакомились с жизнью населения исторических районов города, опрашивали жителей деревянных домов в Татарской слободе, Болоте и в районе Белого Озера. Прежде, чем отпустить нас «в поле», Элеонора Львовна вместе с нами совершала обзорную прогулку по району, давала нам напутствие, рассказывала об особенностях облика города, уже утраченных и оставшихся, и просто делилась своим видением прекрасного. Переносить при возможности процесс обучения из аудитории на открытый воздух Элеоноре Львовне очень нравилось.

Еще мне вспоминаются семинары по этнологии и антропологии. У Элеоноры Львовны было правило: она всегда предлагала нам, студентам, расположиться так, чтобы мы образовывали круг, а затем сама присоединялась к этому кругу. На мой взгляд, это отвечало ее принципам: уважению к каждому, уважению к другому, желанию создать условия, в которых каждый голос будет услышан.

В моей памяти Элеонора Львовна – это светлый человек, добрый, ироничный, принципиальный и цельный. Диалог, Уважение, Принятие другого, Рефлексия – вот те понятия, которые неразрывно связаны для меня с фигурой Элеоноры Львовны.

Сведения об авторах

1. Бабута Марина Николаевна - к.и.н., доцент кафедры истории и регионоведения Национального исследовательского Томского политехнического университета
2. Бартенева (Цыкина) Наталья (Новокузнецк)
3. Беликова Ольга Борисовна – к.и.н., зав. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ
4. Васильев Евгений Алексеевич – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения НИ ТГУ
5. Витовтова Галина Ивановна – к.и.н, доцент кафедры музеологии и документоведения КГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия культуры и искусства»
6. Грошева Галина Васильевна - доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета ТГПУ
7. Кирсанов Никита Олегович – председатель Комитета по сохранению культурного наследия департамента культуры и градостроительства администрации г. Томска (на момент описываемых событий – доцент кафедры культурологии и социальных коммуникаций Томского политехнического университета).
8. Короткова Любовь Александровна – визажист, фрилансер (выпускница ИФ ТГУ, 2008 г.)

9. Кузичкин Андрей Александрович – начальник департамента культуры Администрации Томской области (сейчас живет в Эстонии)
10. Кыдыева Вера Якшиновна - к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина
11. Мучник Виктор Моисеевич – к.и.н, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии НИ ТГУ
12. Усманова Марьям Султановна – к.и.н., доцент Российского университета правосудия (Томск)
13. Нам Елена Вадимовна – к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории социально антропологических исследований ТГУ
14. Нам Ирина Владимировна – д.и.н., профессор кафедры современной отечественной истории НИ ТГУ
15. Наумова Наталья Ивановна – к.и.н, доцент кафедры истории и документоведения ТГУ.
16. Охотников Андриан Юрьевич – к.и.н, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского государственного университета путей сообщения, г. Новосибирск
17. Сафиуллина Елена Шаукатовна – главный специалист по информационным и международным связям ОГАУК «Центр татарской культуры».
18. Поправко Ирина Геннадьевна – к.и.н. доцент кафедры отечественной истории НИ ТГУ
19. Файзуллина (Хабибиева) Галия Шаукетовна. Руководитель проектов, Общественный фонд "Almadeniet" (Алматы)
20. Шафф Елена (Новокузнецк). Учитель истории.
21. Шевцов Вячеслав Вениаминович – д.и.н, профессор кафедры отечественной истории НИ ТГУ